

"Признания невесты"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Дженнифер Хеймор

Признания невесты

Jennifer Haymore

CONFESSION OF AN IMPROPER BRIDE

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

© Jennifer Haymore, 2011

© Перевод. Л.И. Лебедева, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Пролог

Прочь от берегов Антигуа

1822 год

После отплытия «Виктории» из Портсмута Серена Донован так и не смогла как следует выспаться. Мерное покачивание судна погружало ее в некрепкий, чуткий сон лишь после того, как она лежала несколько часов не сомкнув глаз рядом со своей сестрой-близняшкой, слушая ее мирное дыхание. Мысли Серены были сосредоточены лишь на том, как изменить создавшееся положение вещей, чтобы избавить себя от ужасного превращения в существо, отверженное обществом, в парию.

Однако в этот вечер все обернулось иначе. Началось как обычно: она улеглась рядом со сладко посапывающей Мэг и принялась думать о Джонатане Дейне и о том, как возбудить в нем интерес к себе. Сон не приходил, скорее всего по той причине, что вчера во второй половине дня они плыли уже мимо знакомых мест, и это значило, что завтра Серена и Мэг будут дома, в родном доме, вместе с матерью и сестрами, и передадут им письмо от тети о позорном унижении Серены.

Мэг заворочалась, потом повернулась лицом к Серене, брови у нее были нахмурены, а выражение глаз совсем еще сонное.

- Я тебя разбудила? - негромко спросила Серена.

Мэг протерла глаза и потянулась.

- Нет, ты меня не разбудила, - зевнув, ответила она. - А ты что, совсем не спала?

Серена промолчала, а ее сестра добавила со вздохом:

- Глупый вопрос. Ясно, что не спала.

Серена заставила себя улыбнуться.

- Скоро рассвет, - сказала она. - Ты не хочешь прогуляться со мной перед восходом солнца? В последний разок?

Сестры нередко вставали рано и прогуливались по палубе до того, как пробуждались остальные обитатели корабля. Рука об руку, негромко переговариваясь и наслаждаясь умиротворенной красотой утренней зари, Серена и Мэг шли по деревянному настилу палубы к борту корабля и останавливались у перил, любясь восходом солнца, которое все выше и выше поднималось над «Викторией».

Серена подумала, насколько неподходящее название у корабля, который везет ее домой, отвергнутую и опозоренную. Ее, причинившую стыд и унижение всей их семье. «Виктория», то есть «победа» в переводе с латыни. Названия «Поражение», «Неудача» или даже «Великое разочарование» подошли бы куда больше кораблю, который возвращает Серену к постылому существованию старой девы и к непреодолимому унижению.

Она зажгла фонарь и вместе с сестрой оделась в полном молчании. Да и не было особой нужды в разговорах - они всегда понимали друг друга с полуслова, и мысли их по любому поводу, как правило, совпадали. Они всегда спали в одной комнате и помогали друг другу одеваться, как только научились ходить. Застегнув последнюю пуговицу сзади на платье у Мэг, Серена сняла с деревянного колышка, вбитого в стенку каюты, их теплые шерстяные накидки и протянула одну из них сестре. Уже наступила середина лета, но по утрам было еще прохладно.

Едва они вышли на палубу, Серена обратила лицо к небу. Обычно в это время звезды отбрасывали на корабль блики серебристого света, но не в это утро.

- Все небо в тучах, - пробормотала она.

Мэг кивнула со словами:

- Да ты погляди на море. Мне кажется, качка сегодня сильнее, чем обычно.

- Ты думаешь, будет шторм?

- Возможно. - Мэг вздрогнула. - Надеюсь, мы попадем домой раньше, чем он начнется.

- Думаю, что так и будет. - Серена, однако, не была уверена в этом. За последние недели они претерпели несколько шквалов и один опасный шторм. И она верила, что капитан Москам сможет провести корабль даже сквозь ураган, если придется.

Они подошли совсем близко к матросу, который сматывал в бухту длинную веревку при желтом свете фонаря. Завидев их, он в знак приветствия прикоснулся к фуражке, и Серена узнала в нем молодого мистера Ратгера из Кента, который совершал уже четвертый рейс на корабле капитана Москама.

- Доброе утро, мисс. Оно и в самом деле доброе, правда?

- Доброго утра и вам, мистер Ратгер! - с улыбкой ответила моряку Мэг. Она всегда была

дружелюбной, и все ее любили за это. – Но скажите по правде, удержится ли хорошая погода?

– Да, – ответил матрос, и его обветренные щеки раздвинула широкая улыбка. – Разве что облака наплывут и сбрызнут нас дождиком, не более того, осмелюсь вам доложить.

– О, это хорошо, – произнесла Мэг со вздохом облегчения.

Серена потянула сестру за руку, увлекая за собой. Чего доброго, та проторчит на палубе весь день, беседуя с мистером Ратгером. Такое вполне могло случиться – Серена уже была осведомлена о том, что у Ратгера шесть сестер и брат, что его отец сапожник: Мэг во время одной из утренних прогулок по палубе услышала от него его историю жизни и пересказала все сестре.

Быть может, это было эгоистично с ее стороны, однако Серена предпочитала общество сестры, хотела по большей части быть с ней наедине. Очень скоро обе окажутся в Сидар-Плейс – так именовался их родной дом, – и тогда на Серену обрушится негодование всей семьи, а мать и сестры завладеют вниманием Мэг.

Мэг послушно последовала за сестрой. Она понимала Серену – так было всегда. Едва они отошли на достаточное расстояние от Ратгера, чтобы он не мог услышать, о чем они говорят, она сжала руку сестры и сказала:

– С тобой все будет хорошо, Серена. Я буду рядом и сделаю все, что в моих силах, чтобы ты справилась с этим.

Серене хотелось спросить, почему Мэг говорит с ней таким образом. Ведь она, Серена, всегда была самой властной и самой дерзкой из пяти сестер, старше Мэг на семнадцать минут, самой шалой и озорной – просто наказание для матери. Мистрис Донован считала, что сезон в Лондоне излечит дочь от привычек, не подобающих хорошо воспитанной леди, однако вопреки этим ожиданиям выезды в свет сделали Серену куда хуже, нежели просто озорной.

– Я знаю, что ты всегда будешь со мной, Мэг.

Слава Богу, это так. Без Мэг она совсем пропала бы.

Она и Мэг были очень похожи друг на друга внешне, однако характер и темперамент ни в чем у них не совпадали. Мэг была настоящим ангелом. Беспомощное дитя, истинная леди, скромная, порядочная, всегда приветливая и отзывчивая. Хотя каждый раз, когда Серена, подоткнув повыше юбки, бегала босиком по воде у берега наперегонки с сыном булочника, Мэг непременно принимала в этом участие. И теперь, когда весь мир ополчился на Серену, сестра осталась на ее стороне и старалась по мере сил поддерживать в ней бодрость духа, несмотря на все ошибки, которые совершила Серена.

Даже в те дни, когда Серена столкнулась с самыми грубыми проявлениями неприязни со стороны всех окружающих. Даже когда из-за ее, Серены, глупости долгожданная поездка в Англию на их первый сезон была прервана.

– Пока ты со мной, – негромко проговорила Серена, – я знаю, что смогу пережить это.

– Ты страдаешь от того, что рассталась с ним? – спросила Мэг после секундной паузы.

– Я его презираю, – почти прошипела Серена со злостью и смахнула непрошеную слезу.

Мэг искоса взглянула на Серену и заметила, что глаза сестры были такими же туманными, как предрассветная мгла вокруг них.

- Ты не раз говорила так в последние недели, но я никак не могу в это поверить.

Сжав губы, Серена покачала головой. Ей вовсе не хотелось снова вступать в пререкания с сестрой. Она ненавидела Джонатана Дейна. Ненавидела, потому что единственное, что ей оставалось в данных обстоятельствах, - это стать пленницей своей тоски о Джонатане, чего она не намеревалась делать. Она не собиралась приносить свою гордость в жертву человеку, который способствовал ее унижению, а потом повернулся к ней спиной.

Серена никогда - и никому - не призналась бы, что каждый раз, когда стоит на корме «Виктории» и смотрит вдаль, в самой потаенной глубине сердца надеется увидеть корабль, который следует за ними. И на том корабле плывет Джонатан, догоняя ее, только ее. В голове у Серены то и дело вспыхивала мысль о том, что произошла нелепая ошибка, что на самом деле Джонатан любит ее, что он не имел представления о том, как все обернется.

Серена перевела взгляд на нос корабля. Фонарь, закрепленный на мачте, бросал слабый свет на клубы тумана у самого борта.

Улыбнувшись, она обратилась к сестре:

- Смею тебя заверить, что тебе куда больше не хватает командера Лэнгли, нежели мне Джонатана.

Мэг в ответ даже бровью не повела и спокойно ответила:

- Да, мне его очень не хватает.

В отличие от Серены ее сестра держала на некотором расстоянии старшего флотского офицера, который ухаживал за ней. Серена сомневалась, что командер Лэнгли позволил себе по отношению к Мэг нечто большее, нежели прикосновение губами к ее затянутой в перчатку руке. На каждой ассамблее они танцевали два танца, не более, и Лэнгли в течение месяца по три раза в неделю бывал по приглашению Мэг в доме у их тети.

Когда Лэнгли должен был отправиться в двухгодичное плавание на одном из кораблей английского флота, они с Мэг, с благословения ее семьи, договорились о помолвке. Лэнгли сделал все от него зависящее, чтобы в обществе считали Мэг его будущей супругой, а он был не из тех джентльменов, которые изменяют данному слову.

В отличие от Джонатана.

Серена чуть слышно простонала. Она должна прекратить о нем думать.

Похлопав сестру по руке, она сказала:

- Я уверена, что ты получишь письмо от него еще до конца лета.

Серые глаза Мэг так и вспыхнули в предрассветном полусвете.

- Ох, Серена, ты так думаешь?

- Именно так.

Мэг произнесла со вздохом:

- Мне так тяжело.

- Почему?

- Потому что это несправедливо. Я буду счастлива, а ты...

Голос у Мэг сорвался.

- А я опозорена и страдаю оттого, что человек, который обещал любить меня всю жизнь, оказался лжецом, - сухим тоном закончила фразу сестры Серена. Ей нелегко было произнести эти слова. Глубокая, острая боль разрывала сердце, но Серена старалась скрыть ее за каменным выражением лица.

Рука Мэг выскользнула из руки Серены, и на глазах ее блеснули слезы. Не имело значения, как сестра тшится спрятать свою боль, - Мэг чутко понимала ее чувства. Всегда понимала. Всегда. Серена подозревала, что это особенность жизни близнецов.

Мэг снова взяла сестру за руку, как бы пытаясь удержать, и посмотрела ей в лицо.

- Я сделаю все, что могу... ты знаешь, что это так. И для тебя, Серена, есть человек. Я знаю, что он существует. Я знаю это.

- Кто-то на Антигуа? - спросила Серена нерешительно.

Их тетя со всей определенностью дала понять, что Серена больше никогда не будет иметь успех в Лондоне. И Мэг, так же как и она, считала, что ни для нее самой, ни для Серены не найдется никого на том острове, который обе считали родным с тех пор, как им исполнилось по двенадцать лет. А если и найдется, то ведь она, Серена, теперь безнадежно опорочена. Никто ее не захочет.

- Возможно. Джентльмены то и дело посещают остров. И такое, безусловно, могло случиться.

Эта мысль потрясла Серену. Полюбить кого-то другого вместо Джонатана Дейна! Слишком мало времени прошло для того, чтобы даже просто подумать об этом, и каждая частичка в ее теле восставала против чего-либо подобного. И еще одно: как полюбить кого-то снова, когда она узнала, каким разрушительным может быть это чувство. Разве можно быть настолько глупой?

- Ох, Мэг, я не нуждаюсь в любви. Попробовала - и пострадала от своей ошибки. Счастливый брак и семья - это для тебя и командера Лэнгли. А я останусь с мамой и буду вести хозяйство в Сидар-Плейс.

Будущее в Сидар-Плейс представлялось ей неясным - с той самой минуты, как они ступили ногой на землю острова, Донованы только и твердили друг другу, что Антигуа лишь временное место проживания, подходящее для того, чтобы семья восстановила свое состояние, перед тем как вернуться в Англию.

Но теперь Сидар-Плейс стал всем, что у них осталось, и это все обратилось в руины. Долгое время до того, как ее отец приобрел плантацию и перевез семью на жительство в Антигуа шесть лет назад, Сидар-Плейс был красивым, процветающим владением. Через девять месяцев после переезда отец умер от малярии, оставив их глубоко увязшими в долгах и предоставив

матери одной решать все проблемы. Она была прекрасно образованной английской леди, вполне способной принять на себя права и обязанности хозяйки плантации. Серена сомневалась, что Сидар-Плейс может восстать из руин во всем величии его былой славы, но теперь он оказался единственным местом, которое она может называть своим домом, и Серена не хотела допускать даже мысли о его полном упадке.

Мэг вздохнула и тряхнула головой.

- Я вот думаю, - заговорила она. - Ой!

Корабль перевалился через очередную огромную волну и ухнул вниз. Опутанное канатами бревенчатое ограждение, так называемый бум на языке моряков, пошатнулось. Один из канатов охватил петлей плечи Мэг, а так как бум продолжал движение к противоположному краю палубы, то потащил за собой Мэг на канате и перебросил через борт.

Серена оцепенела, с широко раскрытым ртом глядя на происходящее. Словно издалека до нее донесся глухой всплеск. С воплем отчаяния она бросилась вперед к тому месту у борта, с которого упала Мэг. Она и сама едва не упала в воду, перегнувшись через ограждение, так что ее обутое в шлепанцы ноги едва касались кончиками пальцев досок палубы. Далеко внизу Мэг металась в воде, еле заметная в темной тени корабля и предрассветном тумане. Облик ее все уменьшался, пока наконец не скрылся из глаз, когда корабль рывком подался вперед.

Прожив шесть лет на маленьком острове, сестра Серены, само собой, научилась хорошо плавать, но тяжелая от воды одежда... О Господи, она тянет ее на дно. Серена сорвала с себя плащ и стянула платье. Оставшись в одной сорочке, она сбросила обувь, взобралась на перила палубы и... прыгнула в море.

Сильная мужская рука поймала ее в воздухе, обхватив за талию, и рывком поставила на палубу.

- Нет, мисс! Вы не должны прыгать, - проскрежетал ей матрос в самое ухо.

Потом, едва не оглохнув от матросских криков, Серена немного опомнилась и услышала приказ капитана дать обратный ход.

Она попыталась высвободиться из мужской хватки с криком:

- Отпустите! Там моя сестра. Она... Отпустите меня!

Моряк ее не отпускал. Мало того, еще один схватил ее за руки, не давая вырваться.

Серена повернула голову, чтобы посмотреть назад, но корабль делал разворот, и она не увидела ничего, кроме темного коловорота волн, скопища белых фуражек и завитков клубящегося тумана.

- Успокойтесь, мисс. Будьте так добры, предоставьте дело нам. Мы вернем ее на корабль скорее самого скорого.

- Но где же она?

Серена ринулась вперед, растолкав окруживших ее матросов и не обращая внимания на топот за спиной. Оказавшись на корме, она снова попыталась прыгнуть с корабля, но была снова поймана, и на сей раз мистером Ратгером.

Серена вытянула шею, безуспешно шаря глазами по темным волнам и наклоняясь над бортом настолько, насколько допускал моряк, но не обнаружила ни единого намека на присутствие Мэг.

- Не волнуйтесь, мисс, - пробормотал мистер Ратгер. - Мы найдем вашу сестру.

Команда «Виктории» вела поиски до тех пор, пока солнце не поднялось высоко и не разогнало туман. Высокие волны превратились в мелкую зыбь, корабль снова и снова кружил возле того места, куда Мэг упала через борт.

Однако они так и не обнаружили никаких следов близняшки Серены.

Глава 1

Портсмут, Англия

Шестью годами позже

Серена шесть лет не ступала на палубу корабля. Она не хотела даже близко подходить к какому бы то ни было кораблю. Однако последние несколько недель, для нее весьма неприятных, она провела на «Айлингтоне», присматривая за своей младшей сестричкой Фебой, наблюдая за тем, чтобы девочка находилась на безопасном расстоянии от края палубы.

Феба любила свободу, а потому вела себя так, что Серене приходилось поворачивать голову то в одну, то в другую сторону чуть ли не каждую минуту, чтобы уследить за непоседой, но ее это не тяготило. Хоть сестренка и обижается на ее окрики, это куда лучше, нежели еще один несчастный случай. Каждый день, проведенный на корабле, приносил много воспоминаний о Мэг, причиняющих острую душевную боль. Каждый день напоминал о пустоте, образовавшейся в жизни Серены.

Серена стояла у ограждения борта, у самых перил, повернувшись спиной к своей судьбе - такой, какой она не хотела и не ожидала. Она слышала быстрый топот матросских ног и окрики офицеров. Над палубой «Айлингтона» витал острый рыбный запах гавани Портсмута. В ответ на приказания офицеров то и дело слышалось громкое: «Есть, сэр!» Загремела цепь: матросы спускали якорь в мутную воду гавани.

Серена перевела взгляд на открытое море. Единственный корабль миновал круглую башню у входа в бухту и двинулся дальше по волнам; ветер раздувал его паруса. Какая-то часть души Серены испытывала острое желание оказаться на этом отплывающем из Англии корабле. Сидар-Плейс - вот спасительная гавань, убежище, то место, где она могла бы снова стать собой. Англия не может дать ей это. В Англии она, Серена, не более чем подделка. Жалкий дубликат обесцененного оригинала.

Как только она сойдет на пристань с палубы «Айлингтона», ей придется плести паутину лжи, которая поможет обезопасить будущее ее младших сестер. Она, которая превыше всего на свете ставила правдивость и честность, тем не менее вынуждена вести себя в дальнейшем как отпетая лгунья.

Как ей с этим справиться? Особенно в Лондоне, городе, полном опасностей, в городе, где светское общество живет своей особой жизнью, где многие леди только и высматривают любую возможность распространить о ком-либо порочащие слухи и сплетни. И если она оплошает, ее уничтожат, разорвут на клочки.

Серена и Феба будут жить в доме у тети Джеральдины на Сент-Джеймс-сквер. Тетя Джеральдина – виконтесса, вдова лорда Олкотта, в свое время одного из достойнейших и уважаемых членов парламента. Во время своего последнего посещения Лондона Серена узнала, что тетушка руководствовалась установлениями светского общества вплоть до мелочей и преклонялась перед ними.

Когда сестры-близнецы шесть лет назад оказались в трудной переделке, тетя Джеральдина отвернулась от Серены, а заодно и от Мэг и всячески осуждала обеих. Самое скверное заключалось в том, что жила тетя всего за два дома от особняка графа Стрэтфорда, отца Джонатана Дейна. На этот раз Серена упрашивала мать поселить их в другом месте, однако нанять подходящее жилье в Лондоне не удалось. Дом тети Джеральдины оказался для них единственным доступным местом – выбора не было.

Серена зажмурилась. Возможно, Джонатана Дейна нет сейчас в Лондоне. Шесть лет назад его отец добивался для сына утверждения в сане священника, и если таковое произошло, ему пришлось бы обосноваться в их фамильном владении в Суссексе либо в каком-либо другом приходе, далеко от города. Она лихорадочно надеялась на то, что Джонатана в Лондоне сейчас нет. Если бы он находился здесь, то для нее лично это стало бы постоянным напоминанием о перенесенных страданиях, о пережитой сердечной боли в прошлом, а также о неотвратимо ложном положении в настоящем.

Если он в Лондоне, ей необходимо избегать встреч с ним, потому что, как бы ни стремилась быть похожей на Мэг, она оставалась Сереной. Повстречайся она лицом к лицу с Джонатаном, то скорее всего оттолкнула бы его прочь от себя. И тогда бы все пропало, не иначе.

Она должна помнить об этом. Как говорится, на кону здесь куда больше, нежели только ее репутация.

Дрожащими руками Серена извлекла из кармана мантильи письмо. Крепко сжимая его в пальцах, чтобы случайный порыв ветра не унес его прочь, она в сотый раз перечитала текст.

«Моя дорогая Мэг.

С величайшим нетерпением дожидался я Вашего последнего письма, и когда оно наконец пришло, немедленно распечатал конверт. Не могу выразить словами, какую радость я испытывал, читая и перечитывая заверения в Вашей любви. И счастье мое только увеличилось, когда я узнал, что Вы возвращаетесь в Англию и что Вы, с благословения Вашей матери, согласны стать моей женой.

С той же радостью я узнал, что Вы и Ваша сестра Феба проведете в Лондоне все лето. Это даст возможность обсудить наши планы на свадьбу, возможность встретиться во плоти после долгих лет разлуки.

Как я жажду вновь увидеть Ваше столь дорогое для меня прекрасное лицо. Я приеду в Портсмут в тот же день и час, как Вы прибудете туда.

Со всей моей искренней любовью,

Ваш Лэнгли».

Серена бережно сложила письмо и снова спрятала в карман. Обратив взгляд на горизонт, она

следила, как уплывает корабль, уменьшаясь в размерах с каждой минутой.

Она ненавидела ложь. Ненавидела себя. Ненавидела свою мать. Ненавидела Англию. Ненавидела все происшедшее.

- Ну вот! Это самый счастливый момент в моей жизни!

Серена повернула голову и увидела прямо перед собой сияющее радостной улыбкой лицо девятнадцатилетней Фебы, юное, живое, так и излучающее счастье.

Более всего Мэг хотела бы увидеть счастливыми и Фебу, и других сестер - Оливию и Джессику. Того же самого от всей души желала Серена - ей была непереносима мысль о том, что с ними может произойти какое-то несчастье. Она сделала бы все возможное, дабы уберечь их от чего-либо похожего на то, что произошло с ней самой во время последнего визита в Лондон.

Она сделала бы это ради своих прелестных, милых сестер. Ради того, чтобы защитить их будущее.

- Это просто замечательно, - ответила она Фебе самым серьезным тоном.

Они уехали в Вест-Индию, когда Фебе исполнилось всего семь лет, и она вряд ли помнила Англию. Шумная, полная суеты гавань Портсмута не имела ничего общего с ленивой, медлительной атмосферой английской гавани на Антигуа.

В Портсмуте широко раскинувшаяся набережная была застроена множеством зданий, мимо которых сновали запряженные лошадьми повозки для грузов и экипажи для людей, а число последних, наверное, превышало население того островка, на котором довелось жить Серене, ее сестрам и их родителям.

Феба вряд ли заметила печаль в голосе старшей сестры. Серена ощутила острый укол душевной боли, припомнив, что никогда не могла утаить подобные чувства от Мэг. Теперь, когда она, по крайней мере на взгляд людей посторонних, входила в тесный семейный круг, составляемый матерью и сестрами, девушка не верила, что родные ее понимают.

Никто и никогда не поймет ее до конца. Слишком поздно для этого. Летом 1822 года она поставила печать на своей судьбе, печать неодолимую, каменную. Отныне и в будущем только ей одной дано будет знать всю правду о себе самой. Даже по прошествии шести лет после того, как она осознала свое одиночество, мысль эта вызывала мучительную боль в душе у Серены.

Прищурившись, она повернула голову и снова посмотрела на море. Тем временем Феба, которая глядела в противоположную сторону, хлопнула в ладоши и приподнялась на цыпочки, пытаясь разглядеть что-то сквозь путаницу корабельных снастей.

- Ох, ты только посмотри! Видишь вон там шлюпку? Может, она должна отвезти нас на пристань?

Серена обернулась через плечо и глянула в ту сторону, куда указывала сестра. Длинное гребное суденышко с множеством свободных скамеек и надстройкой, предназначенной для их багажа, приближалось к ним по взбаламученной, грязной воде, направляемое сильными ударами весел, которыми орудовали несколько матросов.

- Думаю, что так оно и есть, - ответила Серена.

- Нам стоит проверить, все ли мы упаковали, как ты думаешь?

- Да, - произнесла Серена, однако не двинулась с места. Она словно приросла к доскам палубного настила, устремив взгляд на линию горизонта, туда, где синие воды океана соединялись с яркой голубизной неба. Она начинала чувствовать нечто похожее на презрение к самой себе. Она оказалась близка к тому, чтобы совершить непростительный поступок.

Как поступила бы Мэг?

Последние несколько лет этот вопрос неотступно преследовал Серену. За эти годы она стала спокойнее, взрослее и приучилась заранее обдумывать свои поступки, что не было свойственно ей до гибели сестры. Роль беспечного ребенка сохранилась в их семье разве что за Фебой.

Она должна это сделать ради Фебы. Ради Оливии и Джессики. Если она сейчас совершит предательство по отношению к матери, пострадают ее сестры. Мать далеко не глупа - она точно поняла, что руководит поведением Серены. Поняла, что Серена по своей воле никогда не причинит зла младшим сестрам, и поняла также, что именно это дает ей возможность манипулировать поведением старшей дочери.

Тем не менее, если Серена поведет себя так, как желает мать, это повлечет за собой далекоидущие последствия. Причем последствия такого рода, с которыми она, Серена, вряд ли сможет справиться. Вскоре ей предстоит выйти замуж за красивого и богатого джентльмена, в распоряжении которого имеются такие большие деньги, с какими ей никогда не приходилось иметь дело. Кроме того, она не могла себе представить, что должна будет провести жизнь с Уильямом Лэнгли. Мысль о том, что может выйти за него замуж, никогда не приходила ей в голову до тех пор, пока мать две недели назад не поведала ей обо всем.

- Ну как ты? - Феба отбросила со лба прядку кудрявых светлых волос и притопнула ногой по деревянному настилу палубы. - Идешь или нет?

- Я через минуту спущусь, Феба. А ты иди сейчас и проверь, все ли наши вещи собрала Фланнери, хорошо?

Феба вздернула брови и пристально посмотрела на Серену.

- Ты волнуешься?

Серена постаралась улыбнуться.

- Нисколько.

- Хм-м. Ну тогда ладно.

Феба тотчас словно испарилась - только и взметнулся широкий подол ее ярко-голубой широкой юбки.

Крепко зажмурившись, Серена обхватила пальцами перила борта. Она не хотела делать то, на что дала согласие. Она презирала ложь.

Как на ее месте поступила бы Мэг?

Мэг не стала бы рисковать репутацией их сестер. Феба, Оливия и Джессика нуждаются в том, чтобы раз навсегда освободиться от власти матери, от влияния жизни на Антигуа.

Сестры Серены должны удачно выйти замуж. Это им никогда не удастся, если капитан Уильям Лэнгли узнает правду и поведает о ней всему свету.

Джонатан Дейн, шестой граф Стрэтфорд, сосредоточенно уставился на свой эль. Мысль о восхитительном спиртном в буфете постоянного двора «Голубой колокольчик» завлекла его нынче вечером в Уайтчепел, и теперь соблазнительно благоухающее питье мерцало в бокале перед ним.

Нет, он себя обманывает. Вовсе не эль завлек его сюда. Он годами оставался постоянным посетителем «Голубого колокольчика», но на сей раз явился после значительного перерыва. И черт побери, отлично понимал, почему явился именно сегодня вечером.

Мэг Донован.

Она скоро приедет в Англию – через день или два. Джонатан был не слишком близко знаком с этой леди. Проблема заключалась в том, что внешне она была точь-в-точь похожа на свою сестру-близняшку. Серена... женщина, смерть которой лежит на его совести. Женщина, которую он любил... и предал.

Мэг приезжает в Лондон. Он, в этом нет сомнения, будет видеться с ней часто, принимая во внимание тот факт, что Лэнгли просил его быть главным гостем на их свадьбе. И каждый раз, как он взглянет на ее прелестные губы, или на серые глаза, или белокурые волосы, это напомнит ему о Серене, о том, как он целовал ее губы, заглядывал в глаза или перебирал пальцами золотистые кудри.

подавив готовый вырваться стон, Джонатан прогнал от себя нахлынувшие воспоминания. Все эти годы они только и делали, что напоминали ему о том, как бессовестно, бесчестно он поступил.

Джонатан сделал большой глоток эля.

- Чтоб мне пропасть, если это не граф Стрэтфорд!

Джонатан вздернул голову и узрел перед собой пухлую рыжеволосую даму, одетую в красное с черным платье. Над глубоким вырезом корсажа выступала полуобнаженная грудь.

- Привет, Мэгги!

- Я уж думала, вы улетели на небеса, милорд! – сказала она, подмигнув. – Полгода вас не видела.

- Что ты говоришь?

Джонатан нахмурился. Неужели прошло столько времени?

Она выпятила накрашенные ярко-красной помадой губы и покачала головой.

- Мне вас не хватало, соскучилась.

Он усмехнулся и пояснил:

- Я был занят.

Владелец «Голубого колокольчика» встретил Мэгги в одном из публичных домов Ковент-Гардена четыре года назад. Она ему так понравилась, что он на ней женился. Они работали в дружной упряжке. Мэгги флиртовала с клиентами-мужчинами, чтобы приваждать к заведению, а ее супруг вел коммерческие дела за конторкой в офисе.

Она снова подмигнула Джонатану со словами:

- Кутили где-нибудь, как я понимаю?

Он поднял стакан с элем и ответил:

- Так точно.

От этой лжи лицо Джонатана вспыхнуло жаром. Кутил... В последнее время он ничем подобным не занимался. Однако всем было известно, что там, где появился лорд Стрэтфорд, скандала и дебоширства не миновать. Джонатан, можно сказать, упивался своей скверной репутацией, тем, что его считали жестоким и бессердечным. Это куда лучше, чем прославиться в качестве безмозглого труса или вроде того. Но со временем такая игра ему наскучила.

Мэгги улыбнулась.

- Ладно, я и вправду рада снова видеть вас, милорд. Могу я предложить вам что-нибудь? Еще эля?

Она с сомнением поглядела на его почти полный стакан.

- Нет, благодарю вас.

Пожелав ему приятного вечера, Мэгги кивнула и удалилась, ее юбки шелестели в такт быстрым шагам.

Джонатан сидел, уставившись на стакан с элем. Ничего он не придумает и ничего не добьется, сидя здесь. Пора позвать кучера и отправляться домой. С глубоким вздохом Джонатан привстал со стула, но тут на него упала тень какого-то мужчины, наклонившегося над ним.

- Я целый вечер тебя искал. Мне поначалу и в голову не приходило, что из всех возможных мест ты выберешь именно это.

Джонатан, прищурился, уставился на капитана флота его величества Уильяма Лэнгли с таким выражением на лице, словно перед ним предстало привидение. Лэнгли стоял у стола, выпрямившись во весь свой немалый рост, и выражение лица у него было настолько строгим, что большинство людей с первого взгляда приняли бы его за человека высокомерного и самодовольного. Джонатан, однако, знал, что это вовсе не так. Лэнгли не был ни высокомерным, ни самодовольным. Человек очень добрый, по-настоящему гуманный, он просто был наделен сильным чувством нравственного долга. И он не стал бы без достаточных оснований разыскивать Джонатана в столь поздний час. Случилось что-то неладное.

- Почему ты здесь? - спросил Джонатан, взволнованный и встревоженный не на шутку. - Что случилось?

- Это, как бы тебе сказать... Это касается мисс Донован...

Лэнгли сел на скамью по другую сторону стола, прямо напротив Джонатана. Выражение лица у него было беспокойное, даже испуганное.

Джонатан ощутил внутреннюю дрожь, горло у него стиснуло от волнения. Он старался радоваться за Лэнгли, желал ему счастья, но каждый раз, когда тот упоминал имя его нареченной, Джонатан испытывал приступ ревности.

Лэнгли был его другом много лет и очень хорошо знал Джонатана. Сейчас Джонатан не мог смотреть старому другу в глаза – ведь пережитые душевные муки скорее всего написаны у него на лице. Лэнгли увидит это и вспомнит о тех мучительных днях, после которых Джонатан потерял ее. Перед тем как Лэнгли ушел в море той осенью, они помогали друг другу пережить самое мрачное время в их жизни.

Лэнгли положил руки на стол и наклонился вперед.

- Я получил известие, что ее корабль прибыл в Портсмут сегодня. И сразу подумал, что мне надо отыскать тебя.

- И ты преуспел в своих поисках.

Джонатан одним долгим глотком допил свой эль.

- Я вспомнил, что эта таверна, в которой ты... ну... - Голос у Лэнгли сорвался. - Это было просто предположение.

Джонатан стер пальцем каплю жидкости со своего стакана.

- Толковое предположение, - произнес он.

Лэнгли кивнул в ответ.

Джонатан наконец-то поднял на него глаза и спросил:

- Так по какой причине ты здесь?

Уставившись на поверхность стола, Лэнгли поправил галстук.

- Видишь ли, я подумал... ведь ты был знаком с мисс Донован.

Джонатан крепко сжал губы. Не в силах произнести ни слова, он только медленно наклонил голову в знак согласия. Само собой разумеется, что он был знаком с Мэг Донован. Однако знаком не так хорошо, как с ее сестрой. И Лэнгли об этом знал.

- Да, я был знаком с ней.

- Ладно... Согласен ли ты составить мне компанию? Отправиться вместе со мной в Портсмут? Я должен сопровождать в Лондон Мэг и ее сестру.

- Составить тебе компанию, - произнес Джонатан, тщательно выговаривая каждое слово. - Поехать с тобой в Портсмут.

Он пристально поглядел на друга. Уж не напился ли тот? Нет, Лэнгли выпивал очень редко. Однако если не считать темных полукружий под глазами, тот был бледен как смерть.

- Да. Сегодня. Мне сообщили, что корабль, на котором она находится, уже прибыл в порт. - Лэнгли нервно сглотнул. - Я подумал, что ты мог бы... так сказать, помочь мне. Если между нами возникнут затруднения... ну, неловкость. Если я скажу что-то такое...

Джонатан приподнял руку, желая остановить сбивчивую речь собеседника.

- Постой, позволь мне уточнить, правильно ли я тебя понял. Ты отыскал меня здесь и в этот час, чтобы спросить, могу ли я поехать с тобой в Портсмут сегодня, чтобы встретить твою нареченную.

- Да. Совершенно верно.

Джонатан уставился на Лэнгли с изумлением и недоверием. Господи помилуй, этот человек - капитан английского флота. Привыкший отдавать приказы, исполняемые беспрекословно. Привыкший подчинять своей воле и контролировать действия сотен людей. Привыкший руководить.

И этот человек до смерти напуган предстоящей встречей с любимой после шести лет разлуки. Бедняга Лэнгли.

Лэнгли с присвистом выпустил воздух сквозь стиснутые зубы.

- Что, если я скажу что-нибудь неподобающее? Что, если я...

Джонатан покачал головой.

- По всей вероятности, леди так же сильно увлечена тобой, как и ты ею. И совершенно исключена возможность, что ты скажешь ей нечто обидное.

Лэнгли вперил в него мрачный взгляд.

Как ни сочувствовал Джонатан переживаниям мужчины, которому предстояло связать себя узами брака, ничто на свете, даже силы ада, не заставило бы его согласиться на поездку в Портсмут. Он понимал, что так или иначе ему в дальнейшем предстоит встречи лицом к лицу с сестрой-близняшкой Серены Донован, но только не сегодня. Понадобятся месяцы для того, чтобы он почувствовал себя готовым к такого рода встречам. Пока что он к этому не готов. О нет...

Он оказался треклятым трусом, черт побери...

Ладно, ведь он всегда это понимал, не так ли? Он повел себя как трус шесть лет назад. Ничто не изменилось с тех пор.

- Я не могу поехать в Портсмут сегодня, - проговорил он самым благодушным тоном. - Прости, дружище, но у меня назначена встреча с моим поверенным, которую я не могу отменить.

Лэнгли помрачнел.

- Проклятье! - буркнул он себе под нос.

Джонатан слегка отшатнулся - ему было непривычно слышать от Лэнгли бранное слово.

- Ты все сделаешь хорошо, не волнуйся.

- Надеюсь, ты прав, - ответил Лэнгли с гримасой сомнения.
- Разумеется, я прав.
- Но... на вечерний прием, надеюсь, явишься?
- Конечно, явлюсь, никаких сомнений.

Джонатан не хотел бы присутствовать на этом суаре, однако придется. Он пообещал это Лэнгли и сдержит слово. Хорошо, что у него впереди целая неделя для того, чтобы внутренне подготовиться к возобновлению знакомства с Мэг Донован.

Лэнгли сосредоточился на пустом бокале из-под эля, и Джонатан вдруг ощутил приступ сочувствия к другу. Завтра Лэнгли придется крепко понервничать - и на это есть причины. Однако его, Джонатана, отказ ехать в Портсмут только к лучшему. Его присутствие там было бы не к добру для каждого из них. Мэг Донован, вероятно, возненавидела его и, вполне возможно, винит в смерти своей сестры. Скорее всего это именно так.

Джонатан принудил себя улыбнуться другу. Лэнгли отлично понимал, почему Джонатан стал таким, как теперь. Джонатан потерял свою возлюбленную - одну из близняшек Донован - из-за собственной трусости и глупости, в то время как Лэнгли сохранил права на свою. И через три месяца женится на ней.

В одном Джонатан был совершенно уверен: при любых обстоятельствах Лэнгли сохранит верность Мэг Донован. Он будет любить ее всегда. Она стала счастливой женщиной, завоевав сердце такого мужчины.

- Пойдем-ка отсюда, - предложил Джонатан голосом ровным и приветливым. - Уже поздно, и мне пора домой.

Лэнгли вздохнул.

- Да-да, и мне пора. Извини, что помешал...

Джонатан отмахнулся от него и возразил:

- Нисколько ты не помешал.

Тоже вздохнув, он встал со своего места, и они с Лэнгли вышли из «Голубого колокольчика».

Серена и Феба завтракали в общей столовой гостиницы, и завтрак оказался настолько обильным, что Серена почувствовала неприятную тяжесть в желудке. Ни та ни другая не привыкли к такому изобилию, но их мать на сей раз расщедрилась, так что Серена, Феба, а также их новая горничная Фланнери смогли провести ночь в частной гостинице. Даже завтрак был настолько изысканным и дорогим, что кошелек Серены показался ей до крайности легким, когда она оплатила счет.

Но, разумеется, они не могли изображать даже видимость благородной бедности. Этого делать никак не следовало. Выбросить из головы тот факт, что мать не в состоянии позволить такой вояж ни себе, ни двум сестрам Серены, что они не могут приобрести стильные платья для появления в лондонском высшем свете. Мать ни за что не показала бы в Лондоне, не будь одетой по моде.

В этот день Серена была в новом шелковом платье в полосочку цвета спелой вишни, с пышными рукавами-буф, отделанном шелковым тюлем на юбке и манжетах. Она не надевала это платье на корабле, мать ей не позволила, потому что хотела, чтобы Серена появилась перед Уильямом Лэнгли в наряде с иголки и без единого пятнышка.

Серене не стоило так наедаться, потому что совместное воздействие завтрака, тесного корсета и возбужденных нервов вызвало спазмы в желудке. Ведь она даже не была голодна, так что подлинной причиной переедания послужило сильное волнение. Ведь она должна встретиться с командером Лэнгли – теперь уже капитаном Лэнгли – в первый раз за шесть лет.

- Ты готова? – спросила Феба, слегка потрогав прическу сестры.

Из пяти сестер две, Серена и Мэг, были похожи на отца – обе светловолосые и сероглазые. Три младшие сестры пошли в мать с ее ярко-голубыми глазами и рыжеватым оттенком светлых волос.

- Я готова, – ответила Серена со вздохом. Да, она готова, как никогда.

- Я налопалась как свинья, – провозгласила Феба.

Брови у Серены сошлись на переносице.

- Радуйся, что матери нет поблизости, – почти выдохнула она. – Она бы влепила тебе пощечину. Особенно если бы ты заговорила так в присутствии ее сестры.

Феба вздернула нос и заявила:

- Именно поэтому я не стану так говорить при тете Джеральдине. Мама, я в этом уверена, немедленно услышала бы это и пролетела бы весь путь с Антигуа, словно бешеный дракон, чтобы покарать меня. Я не такая дура, как ты понимаешь.

- Не будь грубиянкой! – огрызнулась Серена.

Феба, наверное, не помнила, что Серена была точно такой же до того, как погибла Мэг. Потеряв сестру, Серена замкнулась в себе.

Мать была глубоко потрясена гибелью Мэг, но в какой-то мере и рада, что хотя бы часть непокорства и взбалмошности Серены утонула вместе с Мэг. К несчастью, над головой Серены все еще нависал скандал грандиозных размеров, а это полностью исключало для нее возможность получить предложение руки и сердца от уважаемого джентльмена.

Серена и Феба ретировались в гостиную и сделали вид, что занимаются вязанием, но главным образом негромко переговаривались в ожидании прихода капитана Лэнгли. Наконец послышался деликатный стук в дверь, и Серена замерла на месте с вязальными спицами в руках – ее вдруг словно холодом обдало.

- Войдите, – сказала Феба.

Дверь со скрипом отворилась, и на пороге появилась горничная.

- К вам пришел джентльмен, мисс, – сообщила она. – Говорит, что он капитан Лэнгли и что приехал, чтобы сопровождать вас в Лондон.

Вот оно. Эта первая встреча решит, хватит ли у нее сил и терпения достойно разыграть

предстоящую сцену. Сердце у Серены забилося бурно и громко, прямо как церковный колокол. Она удивлялась, что, кроме нее самой, никто этих ударов вроде бы не слышит.

Феба отложила рукоделие, встала со стула, отряхнула и расправила юбки. Серена понимала, что ей следует сделать то же самое, но руки и ноги отяжелели, словно налились свинцом. Каждое движение требовало усилий и напряжения.

«Смогу ли я лгать этому человеку? Смогу ли быть той и такой, какой он желает, чтобы я была?»

Как это возможно? Все задумано и устроено ее матерью, а она, Серена, даже не понимает, что должно происходить. Следует покончить с этой выдумкой прямо сейчас, пока ложь не распространилась по всему Лондону, пока еще не слишком поздно.

Феба уже состроила любезную улыбку, готовясь к знакомству с нареченным Серены.

Серена встала, распрямила спину и кивнула горничной. Она была рада, что надела новые лайковые перчатки: от волнения ладони сильно вспотели.

- Пожалуйста, пригласите джентльмена войти.

Казалось, часы прошли до того, как капитан Лэнгли появился в дверях. Это был очень красивый мужчина, высокий и стройный, с четко очерченными чертами лица и темно-каштановыми волосами. Особенно хороши были глаза, и Серена вспомнила, что Мэг всегда говорила о них с восхищением. Взгляд этих темно-карих глаз был добрым и выразительным.

- Капитан Лэнгли, - обратилась она к нему с тем мягким, изысканным лондонским выговором, которому бесконечно долгие часы училась под пристальным надзором матери. - Так приятно снова увидеться с вами.

- А мне с вами, мисс Донован, - ответил капитан. Голос у него был мягким, а поклон сдержанным. - Надеюсь, ваше путешествие прошло благополучно?

- Вполне. Прошу вас. - Серена повела рукой, указывая на Фебу. - Позвольте мне представить вас мисс Фебе Донован, моей сестре.

Феба сделала реверанс, и Лэнгли отвесил еще один поклон со словами:

- Мисс Феба.

Когда он снова посмотрел на Серену с надеждой и ожиданием, к ее глазам подступили слезы с такой силой и быстротой, что она не смогла сдержать их и поспешила наклонить голову, чтобы Лэнгли не заметил влажного блеска ее глаз.

Как она могла позволить себе не оправдать его ожидания?

Серена изменилась за последние шесть лет. Стала стройнее и выше, волосы немного потемнели, а серые глаза утратили серебристый блеск. Исчезли свойственные юности припухлость щек, талии и бедер. Физически Мэг изменилась бы точно так же, Серена это понимала, но не знала, изменился бы цвет глаз у ее сестры, как у нее самой, или остался прежним.

Когда она была маленькой, отец часто говорил, что всегда может отличить Серену от Мэг,

потому что глаза Серены обладают серебристым блеском, таким, как у эльфов, и этот блеск таит в себе угрозу. Он постоянно поддразнивал ее этим.

Отец уже не мог увидеть, какая перемена произошла в ней после гибели Мэг, но сама Серена замечала эти изменения, глядя в зеркало. Живой блеск в глазах сменили туманные тени, и глаза эти потускнели.

Лэнгли подошел к ней и взял ее руки в свои. Его ладони были большими, твердыми и теплыми.

- Мисс Донован... - У него перехватило дыхание, он крепко сжал ее пальцы и покачал головой, явно не находя слов. Потом заговорил негромко: - Мэг, я не смел думать, что вы приедете после... Но я хочу сказать, что я все же надеялся... я молился о том, чтобы увидеть вас снова, чтобы вы приняли предложение выйти за меня замуж... Но встретить вас здесь... любовь моя, это сон, обернувшийся явью.

Впитывая его слова всем сердцем, Серена впервые осознала, что ложь, выдумка ее матери стала правдой для человека не из их семьи, подчинила себе его душу. Капитан Лэнгли искренне любил Мэг. Любил долгие годы. Он был бы чудовищно потрясен, сражен, если бы узнал правду о том, что произошло в тот зловещий день на «Виктории».

Серена подняла голову и посмотрела в темно-карие глаза, полные глубокого чувства. Лэнгли хороший, порядочный человек. Он был мужчиной, которого полюбила Мэг, а она, Серена, могла бы сломать ему жизнь, если бы...

Она сжала его пальцы и прошептала:

- Я... мне так не хватало вас.

Глава 2

Неделей позже Серена была официально представлена обществу как мисс Маргарет Донован, будущая супруга капитана Уильяма Лэнгли.

Она играла свою роль изо всех сил - от множества широких и долгих улыбок у нее болели щеки. Она танцевала с джентльменами, чьи имена вылетали у нее из головы сразу после окончания танцев. У нее никогда не было памяти на имена, и спустя некоторое время приятели Лэнгли, по большей части того же возраста, что и он, половина которых были одеты в морскую форму, а другая половина облачены в приталенные черные смокинги и белоснежные галстуки, стали для нее, по сути, неотличимы один от другого.

Танец кончился, и Лэнгли, отвесив положенный поклон, подставил Серене согнутую в локте руку, намереваясь увести свою даму с площадки для танцев. Серена оперлась на его руку, и они направились к женщине, которую Лэнгли представил Серене как леди Монтгомери. Эту особу крошечного роста, с гладко причесанными блестящими черными волосами, одетую в изящное серое платье, Серена приняла бы за строгую гувернантку или кого-то в этом роде, если бы не ее теплая, приветливая улыбка.

- Вы рады, что вернулись в Лондон после столь долгого отсутствия, мисс Донован? - спросила она.

Серена помедлила с ответом. Следует ли сказать правду? Как на ее месте поступила бы Мэг?

- Я рада, - медленно заговорила она, - что моя сестра Феба получит возможность впервые

появиться в светском обществе Лондона. Более того, я счастлива наконец-то снова увидеться с капитаном Лэнгли.

Она улыбнулась ему, а он слегка покраснел и, принеся извинения, направился к группе морских офицеров. Леди Монтгомери тоже улыбнулась и обратилась к Серене:

- Разумеется, вы этому рады, - негромко и спокойно заговорила она. - Капитан Лэнгли - мой друг, мисс Донован, и он очень хороший человек. Ему безмерно не хватало вас в последние годы. Он несказанно счастлив, что вы дали согласие вступить с ним в брак.

Серена отчаянно покраснела - цвет ее лица, как ей казалось, был подобен панцирю рака, брошенного в кипяток.

- Благодарю вас, - произнесла она и посмотрела на Лэнгли, который тем временем весьма оживленно разговаривал с морскими офицерами. Ей захотелось, чтобы и с ней он общался в такой манере.

- Вы давно уже знакомы с капитаном Лэнгли, миледи?

Прежде чем ответить на вопрос, леди Монтгомери взглянула на входную дверь в бальный зал и со свистом втянула воздух.

Серена проследила за ее взглядом и оцепенела.

О Господи...

Окружающий мир исчез, умчался прочь, унося с собой запах горящего воска свечей и удушающую смесь ароматов парфюмерии. Звуки вальса, смех и разговоры, которые всего минуту назад доносились до Серены бурным крещендо, словно провалились в безмолвную пустоту.

Серене было восемнадцать лет, когда она впервые увидела его и сочла самым красивым из мужчин во всем мире. Со временем она рассталась с подобным восприятием и суждениями, порожденными разыгравшимся воображением неопытного и ограниченного рассудка. С тех пор она изучала мужчин, так сказать, на расстоянии и пришла к убеждению, что поняла суть их обаяния.

Она ошибалась.

Не было ничего и никого. За исключением мужчины, который сейчас стоял в другом конце зала, обмениваясь рукопожатиями с гостем, которого Серена не могла разглядеть. Время основательно над ним поработало. Очень основательно. Фигура изменилась, стала более внушительной, чем прежде. Он стал крупнее, но ничуть не растолстел, выглядел мускулистым и в то же время стройным и подтянутым. Волосы темно-русые, густые и коротко остриженные, лицо обрамляли модные в последних сезонах негустые бакенбарды.

Вот он слегка повернул голову, и Серена пригляделась к его профилю. С тех пор как она видела его в последний раз, лицо у него огрубело, черты как бы заострились и стали более четкими. Он всегда был красив, однако годы проложили морщинки в уголках рта и вокруг глаз, и это сделало выражение лица более характерным. На носу появилась небольшая горбинка, которой раньше не было.

- Да. - Голос леди Монтгомери вывел Серену из оцепенения. Серена вздернула голову и по

выражению темных глаз леди Монтгомери догадалась, что та осведомлена о ее и Джонатана прошлом. – Это граф Стрэтфорд. Как я понимаю, вы с ним давние знакомые.

Серена растерянно заморгала, глядя на свою собеседницу. Граф Стрэтфорд? Что? Она приоткрыла рот, но тут же снова сомкнула губы и попыталась хоть как-то собраться с мыслями.

Когда она только познакомилась с ним, то узнала, что перед нею distinguished мистер Дейн, второй сын графа, и еще тогда поняла, что он особа весьма высокого положения.

– Прошу прощения, – заговорила она не слишком уверенно, – но я не осведомлена о том, что он унаследовал графский титул.

– О, неужели? Да-да, унаследовал, это так и есть. Смерть его старшего брата случилась на несколько месяцев раньше смерти отца. Ему тогда было... м-м... двадцать три года, как я полагаю.

– Мне очень грустно слышать об этом.

Значит, отец Джонатана скончался через год или около того после ее отъезда из Лондона. Серене об этом не сообщили. Если бы она жила в Англии, скрыть от нее такую новость было бы невозможно, однако она жила весьма далеко оттуда, и любые разговоры о Джонатане Дейне были запрещенной темой. Любопытно, знала ли об этом мать. Вполне вероятно.

Леди Монтгомери продолжала изучать Серену чересчур уж внимательным взглядом и наконец произнесла:

– Я бы очень хотела познакомиться с вами поближе, мисс Донован. Вы должны как можно скорее навестить меня.

– О да, разумеется, – ответила Серена. Она сейчас нуждалась только в том, чтобы как можно скорее уйти из этого зала, в котором ей вдруг стало до ужаса душно. А больше всего хотелось уйти от Джонатана Дейна, графа Стрэтфорда. Но куда уйти? Она чувствовала себя кем-то вроде пойманного и посаженного в клетку дикого животного, сознающего, что нет никакой возможности вырваться на свободу. – Я бы очень этого хотела. Но прошу, миледи, меня извинить. Кажется, мне просто необходим глоток свежего воздуха.

На лице у леди Монтгомери появилось выражение сочувствия.

– Разумеется! Ваш организм должен был взбунтоваться. Душная атмосфера бального зала в Лондоне просто несравнима со свежим воздухом Вест-Индии.

– Истинная правда. Еще раз прошу извинить меня.

Серена сделала реверанс и поспешила к двойным дверям на балкон, где ее ожидало пусть и временное, однако все же избавление от чувства тревоги.

Крепко сжимая в руке бокал с шампанским, она прокладывала себе путь через толпу гостей Лэнгли, вежливо отвечая на приветствия тех, кто ее узнавал. Поскольку городской дом ее нареченного был слишком мал для столь многолюдного приема, его друг предоставил для этой цели свой большой фамильный особняк в Кенсингтоне.

Оркестр доигрывал заключительные такты вальса, когда Серена заметила Фебу, танцующую в круге света от горящих канделябров. Ее партнер, красивый молодой человек с черными

волосами, кружил Фебу в танце, и в эту минуту она рассмеялась какой-то его шутке.

Серена невольно заулыбалась. Глядя на сестру, она вдруг ощутила надежду, что весь этот ужасный обман чего-то стоит.

Вальс отзвучал, смех и беззаботная болтовня быстро сменились внезапно наступившей тишиной. Серена взялась за дверную ручку.

- Ах вот вы где.

То был голос Лэнгли. Серена со вздохом опустила руку и оглянулась. Тут он и стоял, на расстоянии вытянутой руки, рядом с Джонатаном Дейном.

Широкий чувственный рот Джонатана не изменился по форме, однако губы сложились сейчас в отчасти циничную, отчасти притворную усмешку, которая ничуть не напоминала те искренние, веселые улыбки, какие помнила она. Губы его разомкнулись, и она увидела оба ряда зубов.

Серена помнила эти губы, которые так часто целовала, касаясь при этом его зубов кончиком языка.

- Добрый вечер.

Голос Серены прозвучал спокойно, мягко и ничуть не дрожал. Она вспомнила, как звучал он тогда, когда они с Джонатаном были вместе, и она чувствовала себя возбужденной и могла думать лишь о том, что хочет большего, хочет, чтобы он довел ее до блаженства.

Он возносил ее до этих высот не только физически, но и эмоционально, и она считала, что конца этому не будет, однако конец наступил так внезапно, что Серена чувствовала себя разбитой и униженной.

Сейчас он смотрел на нее так, словно был сильно удивлен; между его бровями пролегла морщинка.

- Серена?

Шум бального зала померк по сравнению с поразившим ее потрясением. Она бросила взгляд на Лэнгли - тот побелел. Все, кто стоял поближе, повернули головы и уставились на них.

Серена же уставилась на Джонатана, не в силах говорить и дышать. Он в свою очередь смотрел на нее, глаза у него начали темнеть, пока не сделались совсем черными. Однако она вспомнила их. Они были синими, как ночное небо, как глубины океана в солнечный день. Они всегда темнели до черноты, если вокруг не хватало света. В солнечный день его глаза казались экзотическими, их темно-синие искры контрастировали с золотыми прядями волос и густыми светло-каштановыми бровями. Настоящий красавец мужчина.

Лэнгли расхохотался и хлопнул Джонатана по плечу.

- Нет, это Мэг, парень, Мэг Донован, моя невеста.

Джонатан помотал головой, как бы разгоняя туман у себя перед глазами. Потом часто заморгал и, вроде бы опомнившись, поклонился.

- Конечно, - пробормотал он. - Простите меня. Я очень рад снова видеть вас, мисс Донован.

Низкий, глубокий тембр его голоса привел Серену в оцепенение. Она не могла бы сосчитать, сколько раз мечтала услышать этот голос. Он произносил такие слова, предназначенные только ей, за которые она любила его все больше и сильнее с каждым днем, с каждым часом.

Она едва не умерла, когда узнала, что слова его были ложью.

Он так и остался лжецом?

Подобные качества, как правило, закрепляются за личностью и даже усиливаются, когда человек становится взрослым. Если мужчина лгал в двадцать два года, то будет лгать и в двадцать восемь.

Серена не нашла в себе силы ответить. Только глянула на него. Лэнгли в свою очередь устремил на нее виноватый взгляд, словно просил прощения, что не предупредил о приезде человека, который оскорбил и унизил ее сестру. Серена с присвистом втянула воздух. Она вдруг с ужасом почувствовала, что готова удариться в слезы.

Лэнгли поспешил ей на помощь.

- Не хотите ли вы подышать свежим воздухом? - предложил он.

Она молча кивнула.

Он поинтересовался с ласковой улыбкой:

- Могу я сопровождать вас?

Его добрые слова помогли Серене обрести дар речи, и она, помахав рукой, возразила:

- Нет-нет, прошу вас. Мне кажется, что вы оба собирались направиться к чаше с пуншем. - Она игриво улыбнулась. - Я вовсе не намерена лишать вас, джентльмены, пунша.

Лэнгли в ответ улыбнулся ей и сказал:

- Мне не хотелось бы отпускать вас одну. - Он похлопал Джонатана по плечу. - Если ты не против...

И тут чья-то рука коснулась руки Серены. Леди Монтгомери сжала ей запястье.

- Ох, идемте на террасу со мной, мисс Донован. Я как раз подумала, что мне тоже стоит подышать свежим воздухом.

Серена сглотнула, потом с улыбкой ответила своей спасительнице:

- Благодарю, мне приятно прогуляться с вами.

Она одарила Лэнгли неуверенной и не слишком веселой улыбкой в благодарность за его сообразительность. Оба кавалера поклонились ей, Лэнгли выглядел при этом вполне понимающим, а у Джонатана вид был такой, словно он проспал целый год, только что пробудился и весьма удивлен. Они с Лэнгли направились к чаше с пуншем, причем Лэнгли, положив руку Джонатану на плечо, направлял его таким образом к вожденной цели.

Крепко удерживая руку Серены, леди Монтгомери отворила дверь и повела свою спутницу навстречу свободе и приятной прогулке.

На следующий день после приема, устроенного Лэнгли, Серена встала с постели в обычное время и начала собираться на утреннюю прогулку. Приняла ванну, оделась и спустилась по лестнице в комнату для завтраков, в которой никого еще не было. Взяла с серванта чашку кофе и рогалик.

Еще в то время, когда Серена жила в Лондоне, тетя Джеральдина наняла кухарку-француженку и потребовала, чтобы та каждое утро к завтраку подавала блюдо со свежееиспеченными булочками. Серене очень нравились эти пухлые хлебцы, они не были такими тяжелыми и твердыми, как привычный для нее дома покупной хлеб. И вкус у них был замечательный.

Усевшись на стул в конце стола для завтраков, у самого окна, Серена съела булочку – больше одной она себе не позволяла, опасаясь потолстеть. Прихлебывая кофе, она смотрела в окно, выходящее на улицу, которая носила название Дьюк-оф-Йорк-стрит, в честь знаменитого герцога.

Небо было ярко-голубым и безоблачным, и Серена радовалась, что условилась с Лэнгли отправиться на послеполуденную прогулку именно в такой погожий день. В этот утренний час солнце только наполовину поднялось над домами на противоположной стороне улицы, разбросав по их крышам золотые лучи, и это напоминало о греческом мифе про царя Мидаса, которого боги наделили даром превращать в золото все, к чему он прикасался.

Серена вспомнила то лето, когда она познакомилась с Джонатаном. Погода тогда тоже была очень хорошей. Она бы считала, что каждое лето в Лондоне прекрасно, если бы тетя Джеральдина частенько не заявляла, будто ничего подобного нет. То, дескать, в июне зарядит дождь каждый день, а бывает и так, что в это время года случаются заморозки. А иногда, как говорила опять-таки тетя Джеральдина, в Лондоне летом жара сильнее, чем в самом пекле ада.

Серена предавалась подобным размышлениям до той минуты, пока частый топот каблуков по деревянному полу коридора, ведущего в столовую, не возвестил о приближении тети Джеральдины, после чего тетя, одетая в темно-красную мантилью, вошла в комнату для завтраков.

- Доброе утро, тетя, - проговорила Серена.

- Я в этом сомневаюсь.

Тетя Джеральдина, даже не взглянув на Серену, сосредоточила внимание на блюде с булочками.

Серена, приподняв брови, бросила взгляд на прямую худощавую спину тетки.

- Почему вы так говорите?

Тетя Джеральдина пробурчала в ответ нечто маловразумительное. Потом подошла к столу и со стуком поставила тарелку напротив того места, на котором сидела племянница, после чего уместила легковесное тело на тяжелом деревянном стуле. Наконец она посмотрела на Серену и, нахмутив брови, спросила:

- Где твоя сестра?

- Она еще в постели, - ответила Серена.

Губы тети Джеральдины сжались в узкую прямую линию.

- Она что, ленивая девчонка?

Серена усмехнулась. Она очень быстро сообразила, что если возражать тете Джеральдине на каждое ее критическое замечание, то именно ей самой это будет портить настроение. Поэтому она в ответ на большинство не слишком резких словесных тычков отвечала пожатием плеч, не более того.

- Ей всего девятнадцать лет, - на этот раз возразила она, прожевав очередной кусочек рогалика и собираясь откусить следующий. - Вчера мы очень поздно вернулись домой, как вы помните. И во всяком случае люди ее возраста нуждаются в более продолжительном сне, чем большинство из нас.

Откусив от сдобы, тетя Джеральдина пристально поглядела на Серену. Проглотив кусочек, она небрежно бросила остаток на тарелку, отодвинула ее от себя и прищурилась.

- Я должна поговорить с тобой кое о чем.

О Господи, что еще? Серена вперила в тетушку внимательный взгляд, однако внутренне вся напряглась.

- Речь пойдет о моем соседе, молодом графе Стрэтфорде.

Тетка снова вгляделась в лицо племянницы, явно желая понять ее реакцию на свои слова.

Серена изо всех сил постаралась изобразить полное безразличие.

- О, а я и не знала, что новый граф поселился в Лондоне в старом доме своего отца.

- Это так и есть.

Тетка несколько секунд сохраняла молчание, и Серена этим воспользовалась, чтобы задать вопрос:

- О чем же именно насчет его вы хотите со мной поговорить?

Сжатые в тонкую линию губы тети Джеральдины тотчас разомкнулись.

- Я надеюсь, что ты стала благоразумнее, чем в то время, когда уезжала из Лондона, Мэг. Я знаю, что у тебя всепрощающая натура, ты всегда была такой, но послушай, что я тебе скажу. Этому человеку нельзя доверять. Я видела, как он разговаривал с тобой вчера вечером. Я не знаю, что за игру он затевает, пытаюсь воспользоваться твоей отзывчивостью и добротой.

- Да что вы, тетя. Мне до него совершенно нет дела, но поскольку он, как мне кажется, один из близких друзей моего жениха, я обязана быть с ним любезной, не так ли?

- Мэг, ты даже не имеешь представления о том, что это за человек. Ты имеешь право и полную свободу отказаться от общения с ним, если захочешь. Делай все, что необходимо, чтобы пресечь его поползновения.

- Но послушайте, тетя... Я не могу наругать ему. Ведь он же... - Серена лихорадочно рылась в мозгу, отыскивая подходящую причину для отказа. - Ведь он граф.

- Я могла бы согласиться с тобой, если бы ты имела шансы стать его графиней. - Тетя Джеральдина пренебрежительно фыркнула, и Серена с удивлением взглянула на нее. - Ох да не смотри ты на меня так, Мэг. Он граф, и слава Богу. Да будь он всего трех футов ростом, это не имело бы значения, если бы одна из моих племянниц могла выйти замуж за графа. Я сделала бы все от меня зависящее, чтобы этому посодействовать.

- Тетя... - выдохнула Серена.

- Однако этот негодяй заявил во всеуслышание, что вообще никогда не женится, и ты... - указала тетя остатком рогалика на племянницу, - так или иначе, уже помолвлена. Я всего-навсего вижу опасность в том, что у тебя могут возникнуть какие-либо отношения со Стрэтфордом, граф он или нет.

- Почему вы так говорите? - спросила Серена. - Вы должны понимать, что после... после того, что произошло с Сереной, я не имею намерения поддерживать с ним иные отношения, чем те, которые определяются его дружбой с моим будущим мужем.

Ее тетушка в ответ неодобрительно хмыкнула, после чего произнесла короткую, но весьма резкую отповедь:

- То, что он совершил по отношению к твоей сестре, само по себе возмутительно, а после вашего отъезда из Лондона он превратился в самого невыносимого из негодяев.

Серена покачала головой, смущенная таким определением.

- Что это значит? - решила она спросить.

Тетя Джеральдина поднесла к губам чашку с кофе и сделала долгий солидный глоток, слегка поморщившись, видимо, от того, что напиток был еще очень горячим. Поставив чашку на стол, она глубоко вздохнула. У Серены сильно забило сердце. Она даже не могла понять, с чего бы это. О чем бы ни поведала тетя Джеральдина, к ней оно не могло иметь никакого отношения.

- Стрэтфорд оставался в Лондоне до тех пор, пока мы не получили сообщение о том, что твоя сестра утонула. Узнав эту ужасную новость, молодой человек покинул дом отца, а потом удалился в Бат. Короче говоря, сбежал.

Серена, сидевшая сложа руки, вцепилась в колени изо всех сил.

- С какой стати, почему он так поступил? - еле выговорила она.

- Потому что сошел с ума, вот почему. Он всегда был немного не в себе, ты же знаешь. Неустойчивая психика.

Серена часто заморгала, глядя на тетку.

- Тетя, неустойчивость - это одно дело, но я не понимаю, какое отношение это имеет к тому, что он стал невыносимым негодяем.

- За одну неделю он наставил рога викарию в Бате, после чего сбежал обратно в Лондон.

- О Господи!

Серене казалось, что ее сердце разбилось. Через неделю после того, как узнал о ее смерти, он соблазнил супругу викария в Бате?

Серена сделала глубокий, медленный вдох, чтобы успокоить взбунтовавшееся сердце. Она нередко думала о том, кем же собирается стать Джонатан. И ей казалось, что он все же на пути к тому, чтобы стать именно викарием. Представление об этом так крепко засело у нее в голове, что она не могла вообразить его в роли распутника. Но вот теперь ей, видимо, следует изменить это представление о нем.

Тетя Джеральдина, кажется, не заметила ее ошеломления.

- Он сильно изменился в худшую сторону после всего этого. Пил, играл в карты, ни о ком и ни о чем не заботился. Укладывал к себе в постель продажных женщин, потом прогонял их одну за другой. Подыскивал себе любовниц во время различных публичных увеселений. Делал все, что мог, для того, чтобы пренебречь приличиями, и совсем не считался с мнением окружающих. Он и теперь не считается, хотя в последние месяцы все реже становится объектом сплетен.

Серена смотрела на тетку, не проронив ни слова.

Как могло все это быть правдой? Джонатан, мужчина, который любил ее с такой страстью, превратился в холодного, бесстыжего распутника?

Когда Джонатан впервые овладел ею - в конюшне при доме тетки, - он тоже был девственником. Оба они были одержимы желанием, оба нервничали. Ложе у них было мягкое, не слишком удобное, но такое приятное. Они лежали на свежем сене и прижимались друг к другу еще несколько часов после страстной близости.

Когда бы она ни вспомнила о той ночи, в чувствах Серены не появлялось ни капли той горечи, которую она неизменно испытывала, каждый раз думая о Джонатане. Даже после всего, что произошло позднее, она верила в него в ту ночь. То был истинный Джонатан, отдающий и берущий, открытый для нее, как и она для него.

Серена сморгнула слезу, прогоняя воспоминания.

- Это к лучшему, что он отрекся от твоей сестры, - заявила тетя Джеральдина. - Это не мужчина, а гнида какая-то, он сделал бы твою сестру несчастной.

Возможно, то была правда. Если благодаря повороту судьбы он и женился бы на ней, то мог бы и уйти от нее, если бы она ему наскучила, как поступал с другими леди, с которыми спал.

Тетя Джеральдина прямо-таки прорычала:

- Упаси нас, Боже, от дураков, которых полным-полно в нашем обществе. - Она устремила на Серену голубые глаза, в которых мерцали золотые искорки от солнечного света, проникающего в незашторенное окно. - Вот чего мы дождались. Безнравственность, картежничество, разврат... Идиоты.

Серена вдруг ощутила приступ то ли скуки, то ли тоски, пронизывающий ее до костей.

Тетя Джеральдина, насупив брови, заглянула в свою чашку.

- Само собой, все эти слухи о его проделках наносят непоправимый вред его репутации, так оно и должно быть. Зато каждая низость, им содеянная, увеличивает его популярность среди ему подобных. Он добился признания. - Она покачала головой. - Он в моде.

Что на это сказала бы Мэг?

- Но, тетя, капитан Лэнгли близкий друг графа. Капитан Лэнгли не поддерживал бы с ним дружеские отношения после таких вещей, будь он хоть сверхмоден.

Тетя Джеральдина вздохнула и сделала еще глоток кофе.

- Капитан Лэнгли - добрая душа и человек высокой нравственности. Он был в Бате вместе со Стрэтфордом, и это он помог ему выйти сухим из воды после инцидента с викарием. Чем это кончилось, я не знаю. Я никогда не пойму, почему Лэнгли, такой порядочный человек, истинный джентльмен, продолжает оказывать поддержку графу.

Серена вспомнила об ударе, который нанес ей Джонатан после того, как на балу у вдовствующей герцогини Клэйворт их обнаружили во время занятий любовью. Этого оказалось достаточно, более чем достаточно для того, чтобы ее заклеямили как падшую женщину, недостойную лондонского высшего общества. Она тогда почувствовала себя такой испуганной и одинокой, но знала, что Джонатан рядом ней, что она может быть уверенной в его любви.

Однако через несколько дней Серена встретила его на Сент-Джеймс-сквер. Она окликнула его по имени, веря и надеясь, что он найдет выход из положения для них обоих. Скажет ей, что беспокоиться не о чем, что они могут продолжить свои отношения и вступить в законный брак, а все сплетни послать к дьяволу. Но ничего похожего не произошло.

Вместо этого его синие глаза сделались холодными как лед. Он сказал:

- Прошу прощения, но я не имею чести быть знакомым с вами.

Голос тоже ледяной. После чего он поджал губы и поспешил удалиться.

Да, он с легкостью превратился в бессердечного негодяя. Если он оказался способен признаться в светлой и вечной любви, а потом обойтись с ней как с ненужной вещью, то может поступить как угодно.

Серена медленно и осторожно убрала руки с колен, подумав о том, что наверняка затискала их до синяков. После этого она взяла с тарелки остатки рогалика и доела. Отпила глоток кофе и лишь тогда посмотрела на тетюшку.

Сложив губы в некое подобие приятной улыбки, сказала:

- Не волнуйтесь, тетя. Если я его встречу, то буду вежливой, но не более. И никогда, никогда не прощу его за то, как он поступил по отношению к Серене.

Глава 3

Мэг Донован изменилась. Когда Джонатан вчера вечером наклонился к ней, он почувствовал исходящий от нее запах мелкого и чистого океанского песка, часами нагреваемого солнцем. Он взглянул ей в лицо, потрясенный, и сердце у него лихорадочно забилося. Это был аромат не Мэг. Так пахло от Серены.

После чего он открыл свой чертов рот и назвал ее чужим именем.

Джонатан сделал глоток утреннего кофе - вопреки тому факту, что это было уже после полудня, - и отодвинул от себя экземпляр «Таймса», чтобы поудобнее пристроить локти на

столе.

Могла ли это быть Серена, выдававшая себя за Мэг? Зачем бы ей понадобилось такое? К чему обманывать Лэнгли?

Он помотал головой и, хихикнув, уткнулся в чашку с кофе. Конечно же, нет. Смешно даже думать об этом. Только в его шалую голову могла прийти подобная мысль.

Шесть лет, конечно, должны изменить наружность любого человека. Мэг тоже изменилась физически. Волосы потемнели, приняв золотисто-каштановый оттенок, и обрамляли лицо волнистыми прядями, дарованными ей природой, а не щипцами для завивки. Она выглядела похудевшей – нет, не совсем так. Бедра округлились, талия оставалась по-девичьи стройной и тонкой, а округлости груди выступали над корсажем. Кожа была темнее, нежели у большинства лондонских леди, без сомнения, из-за климата острова, на котором жила Мэг, но вовсе не казалась слишком смуглой. То была легкая золотистая тень, которая соответствовала цвету волос.

Ее серые прекрасные глаза, казалось, стали больше и грустнее. Мэг никогда не была такой жизнерадостной, как Серена, но так и сияла счастьем в то, теперь уже далекое, лето, особенно когда рядом с ней был Лэнгли. А теперь она печальна.

Джонатан понимал, что это скорее всего потому, что она потеряла сестру, которая была для нее самым близким другом. Он полностью воспринимал всю трагичность происшедшего, потому что не было дня, когда он не подумал бы о Серене Донован. Но ведь с тех пор прошло уже шесть лет, и Мэг скоро выйдет замуж за человека, которого так долго любила. Отчего бы ей не сиять от счастья?

Во второй половине дня у Джонатана был запланирован визит к герцогу Колтону в Мейфэр, после чего он был свободен. Мэг Донован поселилась у своей тети, всего через два дома от его собственного. Он хотел еще раз повидать ее. Она так сильно напоминала ему Серену. Гораздо сильнее, чем он ожидал.

Вошел лакей с подносом, на котором стояло блюдо с нарезанной ветчиной, однако Джонатан жестом велел слуге удалиться.

Мэг держалась с достоинством истинной леди, что, вероятно, удивило кое-кого из присутствующих на приеме, ожидавших увидеть в ней неуверенную в себе провинциалку, однако Джонатана это ничуть не удивило. Серена как-то сказала, что цель жизни ее матери заключается в том, чтобы увидеть всех своих дочерей достойно принятыми лондонским высшим обществом, и что та потратила годы, наставляя девочек в искусстве вести себя как настоящие леди.

Он слегка улыбнулся, припомнив, как покраснела Серена, когда призналась ему, что всегда прилагала максимум усилий, чтобы проигнорировать поучения матери. В то время она не видела никакого преимущества в том, что будет вести себя как истинная леди. В ее манерах присутствовала какая-то порывистая, диковатая резкость, совершенно неукротимая, да он и не хотел ее укрощать. Он любил ее такой, какая она есть.

– Я рад, что вы не во всем слушаетесь свою матушку, – говорил он. – Мне не нужна леди высшего качества. Я хочу вас.

Он звонко расцеловал ее, и все разговоры о ее семье были забыты. В те месяцы, когда годы назад они день за днем все лучше узнавали друг друга, он находил, что Мэг очень и очень

отличается от Серены. По темпераменту она была полной противоположностью сестры. Его всегда удивляло, как можно не отличить одну от другой. Да, возможно, внешне они идентичны, но для него эти две женщины были не похожи одна на другую, как день и ночь. С первого взгляда на их глаза он легко мог отличить одну сестру от другой.

Однако Мэг изменилась. За шесть лет, прошедшие с последней их встречи, изменилась в том, чего он никак не мог точно определить, и стала очень похожей на Серену.

И по какой-то неясной причине это вселяло в него страх.

В тот же день, ближе к вечеру, сестры сидели у Серены в спальне. Серена набрасывала письма домой, а Феба перелистывала страницы книги, которую пристроила у себя на коленях.

- Какой приятный был вчера прием, - с улыбкой проговорила Феба и с мечтательным выражением в глазах посмотрела в окно.

Тетя Джеральдина поместила Серену в той самой комнате, которую они с Мэг делили во время последнего визита к родственнице, комнату для гостей, отделанную в темно-красных тонах. Шесть лет назад Серена и Мэг подшучивали над тем, какой строгий, даже торжественный стиль носило это их временное обиталище с его тяжелыми бархатными шторами и постельными пологам, кроватями из орехового дерева с толстенными ножками, столиками и комодами из дорогих сортов дерева, верхние доски которых были из черного со светлыми прожилками мрамора.

Теперь эта спальня пробудила воспоминания о Мэг. Серена посмотрела в тяжелое, округлой формы зеркало на туалетном столике и вспомнила, как плакала здесь в объятиях Мэг, после того как с ней порвал отношения Джонатан Дейн. Она со вздохом отложила перо и опустила голову, прижав кончики пальцев к переносице.

Серена хотела бы согласиться с Фебой и сказать, что прием был хорош, но на самом деле у нее все происходившее там вызвало неприятное чувство. Не явись туда Джонатан, все было бы иначе, не так плохо. Но его приезд нарушил ее душевное равновесие, с таким трудом обретенное. Потом он снился ей всю ночь - такой, каким был в прошлом, и такой, каким стал теперь, а потом, уже бодрствуя, она не могла весь день избавиться от мыслей о нем.

Та вспышка влечения, то напряжение чувств, которые охватили ее, едва она его увидела, выбили ее из колеи. А она не должна питать подобные чувства к тому, кто повел себя как самый худший из мерзавцев не только по отношению к ней, но и в других случаях во все последующие годы после их разрыва. Где же ее гордость?

Она должна помнить о своей ненависти. На корабле, в то фатальное утро, она сказала Мэг, что презирает его. И она должна испытывать по отношению к нему только эти чувства. Должна помнить, как он поступил с ней, как оскорбил ее достоинство.

- Ты знаешь, что я познакомилась с двадцатью тремя неженатыми джентльменами? - вдруг услышала она вопрос Фебы.

Серена в изумлении высоко подняла брови.

- Ты что, сосчитала их?

- Конечно, сосчитала.

- Откуда же ты узнала, что все они холостяки?

Феба улыбнулась лукаво и ответила:

- Я догадалась об этом по тому, как они смотрели на меня.

Серена хотела было сказать своей сестре, что выражение, с которым мужчина смотрит на леди, само по себе еще ничего не значит, поскольку и женатый мужчина может быть распутником, но передумала. Какая-то часть ее души хотела, чтобы младшая сестра как можно дольше пребывала в блаженном неведении, сохраняла наивность юности. Вместо этого она поинтересовалась:

- А с каким количеством леди ты познакомилась?

- Вот еще! Чего ради мне надо было считать леди?

Серена пригляделась к сестре и поняла, что ничего не добьется, если не проявит должной настойчивости.

- Как ты думаешь, найдется ли среди этих двадцати трех новых знакомых, ну, скажем, хоть один, который хотел бы стать твоим поклонником?

- Хм-м. - Феба постучала по подбородку кончиками пальцев, видимо, обдумывая что-то. - Возможно. Я протанцевала с мистером Палтенуа два раза. Он, как ты знаешь, внук герцога и очень красивый.

- Насколько помню, - сухим тоном произнесла Серена, - ему всего семнадцать лет.

- Но ведь это не имеет особого значения, верно? - пожав плечами, заявила Феба. - Он только на два года моложе меня, в конце-то концов.

Серена покачала головой и возразила:

- Леди взрослеют гораздо быстрее джентльменов, Феба. Девушка уже в семнадцать лет готова к замужеству. А мужчине понадобится добавить к этому не меньше десятка лет, чтобы стать достаточно зрелым для вступления в брак.

- А откуда ты это знаешь? - спросила Феба с нескрываемой насмешкой.

Серена поджала губы. Феба знала о скандальной истории, которая произошла с сестрой, но не во всех подробностях. Ей было всего тринадцать лет, когда та вернулась на Антигуа, а несчастье с Мэг отвлекло внимание от унижения и позора, пережитого Сереной.

Три ее сестры знали, что Серена совершила ужасную, непоправимую ошибку, которая могла бы превратить ее в парию, отщепенку, и мать объяснила, что подмена личности абсолютно необходима, если они хотят иметь шанс быть принятыми в высшем обществе. Феба в таком резоне видела логику, и это было все, что ей требовалось.

- Также я познакомилась еще с одним интересным мужчиной. Думаю, что ему лет двадцать восемь. Как по-твоему, он уже взрослый?

Серена пропустила мимо ушей сарказм сестры.

- Вероятно, - ответила она. - Кто же он, этот джентльмен?

- Он больше, чем просто джентльмен. Он граф.

Серена насторожилась. Среди присутствовавших на прошедшем накануне приеме она знала только одного графа в возрасте двадцати восьми лет.

- Но осмелюсь заявить, что ты скорее всего посоветуешь мне еще поискать.

Феба вздохнула, но в голубых глазах так и прыгали озорные искорки.

Серена целую минуту смотрела на Фебу строго, потом все-таки решила продолжить игру, хоть и без особого желания.

- Это почему бы мне предлагать тебе продолжать поиски?

- Да хотя бы потому... ох, я таких историй о нем наслушалась вчера!

У Серены даже перехватило дыхание. Но нет, никто бы не стал рассказывать Фебе о том, что произошло у нее с Джонатаном Дейном.

- Что же это за истории? - сорвалось у нее с языка.

Феба подалась вперед и понизила голос.

- Его имя граф Стрэтфорд. Он явился на прием довольно поздно и без особых церемоний. Ты была ему представлена?

- Да, была.

- Ладно, я уверена, что ты заметила, какой он энергичный мужчина. Если не обращать особого внимания на угловатость движений и морщины на лбу, он не такой уж старообразный в свои двадцать восемь лет.

- Господи помилуй, Феба, двадцать восемь лет вовсе не старость.

Феба хмыкнула и заявила:

- Тебе легко говорить, учитывая, что твой нареченный еще старше.

- Что за чепуха! Капитан Лэнгли всего на шесть лет старше меня. Это очень хорошая разница в возрасте.

- Ему уже под тридцать. Я всегда считала, что, когда доживешь до таких преклонных лет, место тебе на полке, неважно, женщина ты или мужчина.

Серена рассмеялась и сказала:

- Небеса обетованные! С чего ты это взяла?

Устремив на Серену взгляд, который Феба, видно, сочла глубокомысленным, она шлепнула себя ладошкой по лбу, и обе они рассмеялись.

Феба сделала глоток чаю, который к этому времени совсем остыл, и заговорила:

- Я вчера вечером познакомилась с молодой леди, мисс Траппет, которая мне сказала, что

лорд Стрэтфорд самый распутный повеса во всем Лондоне. Она утверждает, что, несмотря на скверную репутацию, он желанный гость на самых высоких приемах, но только потому, что граф.

- Самый распутный повеса во всем Лондоне?

Феба кивнула, преисполненная сознания собственной важности от того, что услышала сплетню столь значительную.

- Именно так. Мисс Трампет сказала, что это началось несколько лет назад, после того как он совратил молодую леди, а потом разбил ей сердце. С тех пор он оставил за собой целую дорожку из разбитых сердец по всей Англии. И... - тут голос Фебы понизился до шепота, - говорят, что пять лет назад он усыновил ребенка одной законной четы. Он воспитывает мальчика в самых роскошных условиях и, случается, использует его мать в качестве любовницы.

Серена опустила веки. Это было уже слишком. Присутствие на приеме у Лэнгли, а после этого рассказы тетки довели ее до полного изнеможения... но эти новости... Она судорожно сглотнула.

У Джонатана есть ребенок.

Когда-то давно у нее появилось желание стать матерью, произвести на свет детей. Во времена большой усталости она позволяла себе грезить об этом. Все должно быть кончено между ней и графом Стрэтфордом. Ей незачем волноваться по поводу этих новостей. Такое всегда было свойственно аристократам Лондона - во всяком случае, многие из них имели незаконнорожденных детей. Джонатан повел себя точно так же, как и все его предшественники. В самом деле, ей тут вообще нечему удивляться, особенно после того, как поступил Джонатан по отношению к ней. И она поняла, на что он способен.

Взглянув на Фебу, она увидела, что сестра снова смотрит в окно.

- Что там, Феба?

- Что? О, мне показалось, будто я слышала, как подъехала карета, вот и все, - рассеянно ответила Феба.

Серена взглянула на нее и в задумчивости похлопала себя ладонью по подбородку. Феба что-то от нее скрывает, это очевидно.

- Все-таки кто из джентльменов произвел на тебя самое сильное впечатление вчера вечером? Надеюсь, не этот распутный граф.

Пряча глаза и закусив нижнюю губу, Феба явно медлила с ответом.

- Ну скажи мне, - подбодрила ее Серена.

- Как бы сказать... Ну, наверное, это мистер Харпер.

- Мистер Харпер, - протянула Серена, пытаясь припомнить, о ком идет речь.

- Да. Это младший брат одного из флотских друзей капитана Лэнгли.

- Ты с ним танцевала? - спросила Серена.

- Три раза.

- Да неужели?

Серена удивленно подняла брови.

И снова Феба отвела глаза в сторону.

- Вообще-то я должна была танцевать вальс с сэром Шеффингтоном...

- Только он, к несчастью, подвернул лодыжку.

Серена вспомнила, как бедняга вскрикивал от боли, пока лакей помогал ему дохромать до кресла, в котором тот и восседал словно принц до окончания вечера. Серена время от времени поглядывала на него, чтобы убедиться, что он по-прежнему в хорошем настроении, несмотря на постигшую его неприятность.

- Да, тогда мистер Харпер и пригласил меня на вальс.

- Как я вижу, тебя это не разочаровало, - заметила Серена.

- О нет! - Феба гримасничала с той же скоростью, с какой слова одно за другим вылетали у нее изо рта. Только раз бросила она взгляд на Серену, после чего снова сосредоточила внимание на окне. Радостным голоском она добавила: - Он был очень добр ко мне.

- И он красив?

- Да, - подтвердила Феба. - Очень красив.

Глаза их встретились, и Серена ощутила вспышку неловкости. Она и раньше нередко замечала такие же упрямые взгляды сестры. Но что оно могло означать в данной ситуации? Они лишь недавно вернулись в Лондон. И разумеется, Феба не могла бы сосредоточить все внимание только на одном джентльмене в результате единственной мимолетной встречи.

Серена заговорила в более мягком и скорее вопросительном тоне:

- Тебе стоило бы указать на него, когда встретишь мистера Харпера в следующий раз.

Феба встала и, вытянув шею, снова поглядела в окно.

- Карета остановилась перед нашим домом. Думаю, это приехал капитан Лэнгли.

- О Господи, - пробормотала Серена. - Неужели уже четыре часа?

Накануне вечером капитан Лэнгли заметил, что будущий день обещает быть погожим - а так оно и вышло, - и спросил, не согласится ли она прокатиться с ним по Гайд-парку. Она дала согласие - было бы невежливо отклонить такое предложение нареченного жениха.

То была не единственная причина, по которой она дала согласие поехать. В доме у тетки она чувствовала себя словно цыпленок, запертый в тесном курятнике, и просто жаждала вырваться на свободу. И вот Лэнгли приехал за ней собственной персоной. Ей было страшно оставаться с ним наедине, однако страх этот не имел никакого отношения к нему лично - он был порожден в ней чувством вины и даже в большей степени тем, какую роль ей предстоит играть.

Серена заранее переделалась для прогулки в платье цвета лаванды из гроденапля, расшитое серебряной нитью. Рукава длинные, с буфами до локтей, у кистей перехваченные серебряными ленточками. И тем не менее она успела позабыть о предполагаемой поездке.

Она чмокнула Фебу на прощание и направилась к выходу из комнаты.

- Не забудь шляпу, - напомнила сестра.

- Ох, пропади оно пропадом! Снова забыла!

Серена сделала резкий поворот к двери в гардеробную. Она вечно забывала о шляпе, что не имело значения в Антигуа, где на это никто и внимания не обращал, но такое нарушение этикета было неприемлемо для прогулки по Лондону. Фланнери встретила Серену в гардеробной и помогла надеть шляпу с очень широкими полями, украшенную большим, прямо-таки каменно-тяжелым венком из искусственных цветов.

Наконец она поспешила вниз по лестнице к выходу из дома, обреченная провести вторую половину дня с мужчиной, которого должна была постараться полюбить так же сильно, как любила ее сестра.

Джонатан стоял у входа в дом леди Олкотт, не совсем понимая, что привело его сюда. Выйдя из дома герцога Колтона, он велел кучеру доставить его к дому на Сент-Джеймс-сквер, совсем близко к его собственному жилищу - всего на два дома дальше по улице.

Он уставился на дверь дома виконтессы. О чем он думает? Что он, с ума сошел? Посягнуть на территорию Уильяма Лэнгли - это последнее, чего бы он хотел. Лэнгли был его другом, а список людей, которых Джонатан мог бы называть друзьями, сильно сократился за последние несколько лет.

Это не могла быть Серена, напомнил он себе. Это Мэг. Ему нравилась Мэг, однако она не была той женщиной, которую он любил.

Серена умерла шесть лет назад. Она утонула по пути домой, в Антигуа. Ее позор и последовавшее за ним изгнание из общества на его совести - следовательно, он виновен и в ее гибели в морских глубинах.

Он повернулся и, махнув рукой, дал этим знак кучеру, что тот может уезжать. Кучер кивнул в ответ и хлестнул поводьями лошадей, запряженных в экипаж, которые двинулись вперед по улице и далее свернули на Йорк-стрит к конюшне при доме Джонатана, где им и место.

Джонатан поднял дверной молоток и тут же опустил его. Один, два, три раза, пока не обругал себя за то, что поступает как треклятый идиот. Леди Олкотт знала, кем он был и кем стал. Эта женщина улыбалась и кивала ему вчера вечером, как будто это не она относилась к нему с презрением и негодованием, после того как он причинил зло ее племяннице. Но то была именно она, и в глазах ее легко было прочесть: «Этот человек оскорбил мою семью, опозорил мою племянницу и стал причиной ее гибели».

Он в четвертый раз опустил молоток и услышал, как эхо от удара разнеслось по дому.

Ему хотелось еще раз взглянуть на Мэг Донован. Услышать ее голос. Проведи он хоть немного времени, подыскивая разумный повод для этого, он всего лишь осознал бы, что такое намерение абсурдно. Однако он не стал об этом раздумывать и полностью отдался бурному

желанию увидеть ее снова.

Дворецкий отворил дверь, и Джонатан вручил свою визитную карточку.

- Я граф Стрэтфорд и явился с визитом к мисс Донован.

Дворецкий поклонился и сообщил, что немедля выяснит, дома ли эта леди. Джонатан перевел для себя эти слова таким образом: «Пойду справлюсь у леди Олкотт, желанный ли вы посетитель».

Нет сомнения, что нежеланный.

Дворецкий, вернувшись, отворил дверь пошире и отступил в сторонку. Леди Олкотт стояла на пороге, скрестив руки на груди. Глаза ее уставились на Джонатана словно пара ярко-голубых кинжалов.

- Что это вы здесь делаете?

Джонатан стойко выдержал этот взгляд и ответил:

- Добрый вечер, мэм. Я приехал повидаться с мисс Донован.

- С какой целью?

Хороший вопрос. Один из тех, на которые невозможно ответить правдиво. И он предложил ответ, вполне похожий на приемлемый:

- Я хотел бы принести ей поздравления по случаю будущего бракосочетания.

Леди Олкотт прищурилась.

- Я полагаю, что вы имели полную возможность сделать это прошлым вечером.

- Вот именно, что нет, - возразил Джонатан. - Была такая толчея, и мисс Донован в качестве почетной гостьи пользовалась огромным спросом.

Глаза у леди Олкотт сузились до такой степени, что напоминали змеиные.

- Я вам не верю.

Джонатан широко раскрыл глаза, словно в изумлении.

- Вот как?!

- Нет ли у вас планов поступить с ней так, как вы уже поступили с ее сестрой?

Леди Олкотт приложила руки к унижению Серены в той же мере, как и он сам, и она отлично это знала.

- Вовсе нет, мэм.

- В таком случае, чего бы вы хотели от моей племянницы?

- Как я уже говорил...

- Нет!

Джонатан поднял одну бровь.

- Ее нет дома! – как отрезала леди Олкотт.

Джонатан постарался скрыть растущее раздражение. Ничего другого он и не ожидал. Он вполне заслужил неприязнь леди Олкотт и ее семьи.

Он слегка наклонился вперед и произнес:

- Ну хорошо, миледи, я скажу вам чистую правду.

- Сделайте одолжение.

- Я приехал, чтобы принести извинения.

- В чем?

- Боюсь, что я вчера вечером поставил мисс Донован в неловкое положение. Это вышло совершенно ненамеренно, и я хочу сказать ей об этом.

Вспышка серебристого света ударила ему в глаза, через плечо леди Олкотт он увидел Серену – Мэг, – остановившуюся в смущении неподалеку от них на выложенном черной и белой плиткой полу прихожей. Она посмотрела из-под полей шляпы прямо на Джонатана широко раскрытыми серыми глазами и, приоткрыв рот, скорее выдохнула, чем произнесла:

- Ох!

Он наклонил голову и поздоровался с ней:

- Мисс Донован! Добрый вечер.

Серена сделала несколько шагов вперед, ступая осторожно, словно по чему-то скользкому.

- Добрый вечер, милорд.

Леди Олкотт с шипением выдохнула, и Джонатан какую-то секунду думал, что она собирается с треском захлопнуть дверь у него перед носом. Но как видно, некая частица хорошего воспитания еще сохранилась в ней, потому что она изрекла:

- Граф желает что-то сказать тебе, племянница.

Огромные серые глаза раскрылись еще шире, как бы вопрошая: «О чем?» Тем не менее Мэг удержалась на позиции вежливости, обязательной для леди:

- Вот как? О, я готова его выслушать, одну минутку подождите.

- Так иди же сюда, – процедила леди Олкотт сквозь зубы и приоткрыла дверь пошире, чтобы Джонатан мог войти. Сняв шляпу, он переступил порог.

Оба они, граф и Мэг, приблизились к леди Олкотт.

- Я останусь пока в гостиной, на тот случай если буду вам нужна.

С этими словами она развернулась и зашагала по коридору, по обеим стенам которого были развешаны огромные семейные портреты.

- Чем я могу вам помочь, милорд?

- Благодарю вас, что согласились увидеться со мной, - ответил он, пристально вглядываясь в нее.

Как много, очень много было в ней от Серены, гораздо больше, чем от той Мэг, которую он помнил. Когда сестры стояли рядом одна с другой, даже неподвижно, он сразу узнавал, которая из них Серена. Он гордился своей редкой способностью различать одну от другой. Даже Лэнгли, который влюбился в Мэг, как-то раз, к своему великому смущению, принял Серену за свою возлюбленную.

- Я хотел бы извиниться перед вами за свое грубое поведение вчерашним вечером.

- Ваше грубое поведение?

- За то, что назвал вас именем вашей сестры.

Ее веки заморгали быстро-быстро. Она ответила ему несколько принужденной улыбкой.

- Да не думайте вы о таких пустяках! Это обычная, очень частая ошибка многих.

- И все же... Я... я знаю, как близки вы были с сестрой. Как сильно должны тосковать о ней.

С лица ее все не сходила принужденная, теперь даже вымученная улыбка.

- Я предпочла бы, чтобы мы с вами не говорили о моей сестре, лорд Стрэтфорд. Вы, конечно, меня поймете.

Он не мог бы согласиться с этим вполне уверенно. Она выглядела как Серена и в то же время как Мэг. То были вещи тонкие, деликатные... форма ее губ, особые искорки в глазах... это напоминало ему Серену, однако, черт побери, шесть лет - срок долгий. И не важно, какая это из сестер, она все равно изменилась бы с тех пор, как он видел ее в последний раз. Она потеряла очень близкого ей человека.

- Я понимаю, - как можно мягче проговорил он. - Простите меня.

Она кивнула со словами:

- Само собой. - И, помолчав, добавила: - Не ожидала увидеть вас вчера вечером. Даже представления не имела, что вы стали таким близким другом капитана Лэнгли.

- Мы стали друзьями с тех пор, как... - Он вдруг примолк, явно пытаясь что-то вспомнить. - Да, мы сошлись по-дружески несколько лет назад. Лэнгли - добрый друг и очень хороший человек.

«Не то что я».

Ее улыбка потеплела, но выражение глаз оставалось прежним.

- Да, - пробормотала она.

- Вот именно. И знаете, Лэнгли пригласил меня быть другом-распорядителем на вашей

свадьбе.

Ее улыбка исчезла, губы сжались в тонкую линию. Между бровями появилась морщинка. Эта новость вроде бы рассердила ее.

Собственно говоря, тут нечему удивляться, не так ли? В конечном счете ведь именно он послужил причиной гибели ее сестры. Разумеется, она не могла забыть об этом.

- Вы очень хорошо выглядите, Мэг, - произнес он примирительным тоном.

Она встрепенулась как птичка, оттого что он обратился к ней так искренне и простосердечно, и на лицо ее вернулась приветливая улыбка.

- Благодарю вас. И вы тоже недурно выглядите.

Он улыбнулся ей в ответ и почувствовал, что его вдруг бросило в жар. Надо уходить отсюда, пока он не сделал чего-нибудь такого, о чем станет потом сожалеть. Например, заключит ее в объятия, поцелует в губы и узнает раз и навсегда, кто же она, эта женщина.

«Лэнгли. Подумай о Лэнгли».

Он и подумал о Лэнгли. О том, что пришлось пережить Лэнгли за последние шесть лет. По большей части причины этого коренились в плохих поступках его, Джонатана, и он не желал снова причинять боль другу.

Отступив на шаг, он водрузил шляпу на голову.

- Ладно, я знаю, что вы уезжаете. Благодарю за то, что встретились со мной, мисс Донован.

- Благодарю за извинения, лорд Стрэтфорд, - ответила она не совсем впопад, но ее слова были приняты с полной благожелательностью.

Джонатан отвесил почтительный поклон, сказал, что надеется увидеть ее снова в ближайшее время, и удалился. Он постоял на углу улицы, ожидая, когда мимо него проедет фаэтон, управляемый знакомым черноволосым мужчиной, потом повернул голову и понаблюдал, как экипаж остановился у резиденции леди Олкотт. Лэнгли не заметил Джонатана, проезжая мимо. Спустившись по ступенькам из фаэтона на тротуар, он выпрямился во весь свой немалый рост, одернул флотский мундир, после чего подошел к двери и постучался. Дверь отворилась, и Лэнгли немедленно скрылся за нею, войдя в дом.

Гнев охватил Джонатана с такой силой, что ему стало жарко. Он сцепил в замок кисти рук и увидел, что костяшки пальцев побелели.

Он заставил себя повернуться и уйти прочь, исполненный ненависти к тому, что Лэнгли может видаться с ней, быть с ней рядом, говорить с ней весь вечер... всегда... а он нет. Ненависти к тому, что впервые за шесть лет женщина оказалась способной пробудить в нем страсть.

Глава 4

Лэнгли вывел Серену на улицу, к тому месту, где их ожидал элегантный небольшой фаэтон. Кучер соскочил с облучка и вручил хозяину поводья, а Лэнгли помог Серене усесться в маленький, сияющий глянцем экипаж. Лэнгли кивнул кучеру, отпуская его, и тот, повернувшись на каблуках и откозыряв капитану по-флотски, бодро потопал, насвистывая на

ходу, к Сент-Джеймс-парку.

- Как это мило, - сказала Серена, залюбовавшись изящной коляской.

- Я обзавелся этой каретой всего месяц назад. - Лэнгли пожал плечами. - Она стоила кучу денег... но вы этого заслуживаете.

Он, конечно же, покупал экипаж больше для себя, чем для нее, однако Серена улыбнулась Лэнгли и сказала:

- Экипаж замечательный!

Он помог невесте устроиться на сиденье и сам сел рядом. Держа в руке поводья, кивнул в сторону лошадей.

- Свидание Тезея и Афродиты, - сказал Лэнгли, когда лошади взяли с места быстрой рысью.

Она взглянула на упряжку - белая была заметно ниже ростом, чем вороная. Имена показались ей неправильно подобранными - насколько она помнила, Тезей не имел ничего общего с богиней любви. Он сразился с чудовищем-минотавром ради спасения царской дочери Ариадны.

- Почему вы не назвали кобылицу Ариадной?

- Нет, только не Ариадной, которую он обманул, а потом бросил. Нет, ни в коем случае. Мой Тезей нуждался в такой особе, которая поставила бы его на место. В богине. Ничуть не меньше.

- Понятно, - пробормотала Серена.

- Вы только приглядитесь получше, и увидите, как им приятно общаться. Она позволяет ему руководить ею, словно он самый кроткий мерин, хотя, по сути, настоящий дьявол. Однако при ней он сама кротость.

Даже не улыбнувшись, он развернул экипаж в противоположную сторону и направил к Гайд-парку.

- В этом сезоне я предпочел бы вручать вам поводья каждый день. Разумеется, если бы вам этого хотелось.

Почему их разговор сделался таким напряженным? Почему он так редко улыбается ей? Он вообще улыбается редко. Таким ли он был в присутствии Мэг? Этого Серена не могла припомнить.

Он вел себя крайне сдержанно и даже сухо, и Серена боялась, что никогда не поймет, о чем и как он думает, вообще не сумеет его понять. Ясно, что Мэг ничего подобного не ощущала.

Лэнгли смотрел на нее выжидательно, и Серена поняла, что он ждет ответа.

- Ежедневная прогулка в парке была бы мне очень приятна.

Сиденье фаэтона было узким, и бедро капитана тесно прижималось к ее бедру, пока они двигались в общем потоке экипажей по направлению к Гайд-парку. День был ясный, воздух свежий и такой прохладный, каким никогда не был на Антигуа, но Серена чувствовала себя вполне уютно в новом платье для прогулок, тяжелой шляпе и перчатках. Лэнгли был одет

изысканно, как всегда, в двубортный шерстяной сюртук и коричневые брюки.

- Хотел бы выразить соболезнование по случаю гибели вашей сестры. Я писал об этом, помню... но очень хотел сказать вам это при встрече.

Голос у него был печальным, выражение лица серьезное и сочувственное, и Серена поверила в его искренность, в то, что ему понятно, как тяжело потерять столь близкого человека.

Какой же он все-таки добрый. Серена улыбнулась ему, однако улыбка была грустной - всего лишь движение губ, не соответствующее внутреннему чувству.

Теперь Лэнгли смотрел прямо вперед, и в голосе прозвучал траурный оттенок, когда он проговорил:

- Такая ужасная потеря. Я помню, как сердечно вы были преданы вашей сестре.

- Да.

Серена не могла произнести больше ничего - слова застревали в горле. Она все время думала о Мэг, тысячу раз за день, но очень редко о ней говорила. Даже после всех этих долгих лет боль оставалась слишком острой.

Она опустила глаза и уставилась на свои колени, на серебристую шелковую сеточку, которой было расшито платье. Слишком много эмоций бередило ее душу.

Лэнгли не произнес более ни слова, и Серена была глубоко ему за это благодарна. Но хотя он и молчал, взаимное сочувствие окутывало обоих как бы некой мерцающей аурой. Ощущение было невероятно сильным, и Серена вдруг подумала, что он мог бы вот сейчас обнять ее и погладить по спине, создавая чисто физический комфорт вместо молчаливого взаимопонимания. Но такого не случилось. Возможно, когда-нибудь это и произойдет. Когда они поженятся.

Некоторое время она сидела молча, держа на коленях крепко сжатые руки, и когда молчание сделалось чересчур выразительным, чтобы выносить его дольше, сказала:

- Мне было очень хорошо вчера вечером на приеме. Я подумала, что это был поразительный успех.

Не спуская глаз с оживленной дороги, Лэнгли кивнул.

- Я тоже так подумал. - Он бросил на Серену быстрый взгляд и добавил: - Все решили, что вы были самой красивой из всех собравшихся леди.

- Благодарю вас.

Серена отвела от него глаза и обратила взгляд на огромную статую Аполлона, когда они въехали в парк.

- У вас красивые глаза. - Он повернулся, и сиденье скрипнуло под тяжестью его крупного тела. - Это звучит банально, да? Но это правда, поймите. Я никогда не видел такого оттенка серого цвета ни у кого, кроме вас и вашей сестры. Он такой же ясный и светлый, как небо на восходе солнца.

Серена высоко вздернула брови.

- Ох надо же! Благодарю вас. Но вы не должны мне льстить.

- Не согласен. Помолвленные только и делают, что все время льстят друг другу.

Она улыбнулась ему и сказала:

- В таком случае и я обязана предложить вам немножко лестии.

- Хорошо. - Взгляд его смягчился и посветлел. - Я никогда не считал немножко лестии чем-то дурным.

«Вы просто совершенство, - хотела сказать она. - Невероятное совершенство. Вы даже представить не можете, как вы совершенны. Так почему же мне не питать к вам тех же чувств, какие я когда-то питала к Джонатану?»

- У вас потрясающие скулы, - наконец пролепетала она.

Он улыбнулся, и то была первая настоящая улыбка, которую она увидела на его губах.

- Скулы, говорите. Хорошо. - Удерживая поводья одной рукой, он пальцами другой провел по щекам. - Вот это вы имеете в виду? И это?

Серена кивнула, чувствуя, что губы у нее подергиваются.

- Я абсолютно уверена, что ваши скулы самые совершенные по форме из всех, какие мне довелось увидеть.

- Правда? Как я полагаю, это те самые кости, которые создают форму лица, а значит, если у кого-либо они несовершенны, этот индивид не может претендовать на привлекательную наружность. Итак, позвольте вас поблагодарить. Я весьма рад.

- Вы никогда не сомневались в привлекательности своего лица?

- Сомнения у меня были. - Он на минутку задумался. - Я получал свою долю лестии, но скорее в общих оценках. Никто и никогда не выделял особенностей моей наружности, так сказать. Вплоть до настоящего момента.

Серена улыбнулась непринужденно, без натяжки, как это было за несколько минут перед этим.

- Ну тогда ладно. Я счастлива, что оказалась первой, кто заметил это.

Следующие несколько минут они провели в дружелюбном молчании, прислушиваясь к звукам в парке: шуршанию бриза в листве деревьев, постукиванию лошадиных подков и колес экипажей, отголоскам чьих-то разговоров.

- Смотрите-ка, и лорд Стрэтфорд здесь.

Лэнгли направил лошадей так, чтобы подъехать поближе к остановившейся неподалеку карете, - и вот пожалуйста, перед ними Джонатан собственной персоной.

Все еще одетый во все черное по случаю траура по отцу, обутый в начищенные до блеска черные веллингтоновские сапоги, в высоком черном цилиндре, который он вежливо приподнял, здороваясь с ней в прихожей дома тети Джеральдины, Джонатан возвышался в седле на прекрасной по всем статьям кобыле. Сюртук настолько плотно обтягивал его широкие

плечи, что по спине у Серены пробежала дрожь сладострастия.

Ее дыхание вдруг стало прерывистым – с чего бы это, спрашивается? Зажав руки между коленями, она уставилась на него. Он встретил ее взгляд. Стиснул зубы и заметно передернул плечами.

О чем он подумал?

Прикоснувшись кончиками пальцев к цилиндру, Джонатан произнес:

- Рад вас видеть, Лэнгли. – Его синие глаза остановились на Серене. – Мисс Донован.

В голосе у него прозвучала некоторая грубоватость, которую Серена иногда замечала и в прошлом, и она тотчас решила, что он узнал ее. Паника всколыхнулась в груди, но она поспешила отринуть ее. Нет. У него не было ни малейшей возможности опознать ее.

- Приятный вечер, не правда ли? – спросил Джонатан с явным намерением завязать разговор.

Джонатан стал графом. Она все еще не могла до конца поверить в это – он состоял в таких бунтарских отношениях со своим отцом, был таким яростным противником аристократизма. И был вполне счастлив своим положением младшего сына. Что Джонатан подумал о своем титуле? Каким человеком стал при своей скверной репутации?

- Я надеюсь, погода предвещает, что таким будет и весь конец сезона, – ответил Лэнгли.

- Я тоже, – поддержал его Джонатан.

Серена никак не могла определить, как реагирует на Джонатана ее тело. Напоминала себе, что возненавидела его. Он был тем мужчиной, который ее предал. И все же, как могла бы она его забыть? Он был последний мужчина – единственный мужчина, – который прикоснулся к ней. Она помнила синие глаза, которые смотрели на нее сейчас. Однако она помнила и то, как они, затуманенные страстным желанием, смотрели на нее через весь заполненный народом бальный зал герцогини Клэйворт. Она помнила слова любви, которые он нашептывал ей на ухо, держа в объятиях.

Она должна забыть. Должна забыть все, что было в прошлом.

Серена снова устремила взгляд на свои колени. Лицо у нее пылало жаром до самых кончиков ушей. После короткого неловкого молчания Джонатан сказал:

- Воксхолл-Гарденз открывается на весь сезон со следующего понедельника. Мне хотелось бы там побывать. Не согласитесь ли вы сопровождать меня? Если хорошая погода сохранится, вечер обещает быть великолепным.

Серена со всей остротой ощутила на себе его взгляд, который ласкал ее.

Неужели Джонатан намеренно последовал за ними сюда?

Она посмотрела на него и встретила горящий взгляд его синих глаз. Серена едва не вздрогнула от потрясения, однако сохранила самообладание. Ничего хорошего не вышло бы, если бы Лэнгли догадался о ее взбаламученных чувствах по отношению к графу Стрэтфорду.

Серена и сама не могла разобраться в том, что испытывает к Джонатану. То была невольная реакция на его близость, которая возникала в тех случаях, когда они приближались друг к

другу. В прошлом так было всегда, но чувствует ли он это теперь? Она не была в этом уверена. Он вел себя так же сдержанно, как и она.

Насколько возможно, чтобы он испытывал такие физические реакции сейчас по отношению к ней? То бишь к Мэг?

Серена скрипнула зубами. Она ревновала Джонатана к Мэг. Но ведь она и стала Мэг. И все еще презирала его за то, что он сделал с ней, Сереной. Даже при том что какая-то часть ее существа безраздельно принадлежала ему. Что за неразбериха...

Помимо всех этих ощущений появилось немало и других, новых, каких она не испытывала к Джонатану раньше. Когда ей было восемнадцать лет, все казалось таким простым. Теперь она понимала, что жила тогда в мире детских мечтаний.

- Мэг?

То был спокойный, вопрошающий голос Лэнгли.

Она взглянула на него и вспомнила о разговоре.

- Ах да, - проговорила она автоматически. - Воксхолл-Гарденз... это звучит заманчиво.

О Господи, неужели она только что дала согласие встретиться с ним снова вместе с Лэнгли?

Джонатан вежливо улыбнулся, однако прищурился, пристально глядя на нее, и этот взгляд темно-синих глаз, казалось, проникал ей в самую душу.

- Эти прошедшие шесть лет сильно изменили вас, мисс Донован.

Сердце у Серены замерло, как бы загнулось, и тут же снова забило с лихорадочной скоростью. Жаркие взгляды обоих мужчин обжигали ее. Она невероятным усилием заставила себя изобразить улыбку и посмотрела на Лэнгли.

- Я бы сказала, что все мы изменились, не правда ли? Никто не может оставаться в точности таким же, каким был шесть лет назад.

- Это в самом деле так, - уверенно согласился Лэнгли. - Мы все стали старше... И мудрее, - добавил он после короткой паузы.

- Совершенно верно. - Серена в свою очередь ожгла Джонатана взглядом. - Намного, намного мудрее.

- Я уверен, что это бесспорно относится к вам обоим, - ответил Джонатан и довольно жестким тоном добавил: - Но я не сказал бы этого о себе самом.

- Я хотела бы надеяться, что вы стали мудрее, - не сдержавшись, произнесла Серена с мрачной укоризной в голосе.

- Ах, Стрэтфорд, - спокойно и приветливо произнес Лэнгли, направляя лошадей к повороту дороги. - Вы слишком скромничаете. Вы намного повзрослели с дней вашей юности и просто не хотите замечать это.

Джонатан ответил Лэнгли несколько натянутой улыбкой, потом перевел взгляд на Серену.

- Понимаете ли вы, почему ваш нареченный остается одним из самых близких моих друзей? - спросил он. - Это потому, что он видит во мне то хорошее, чего не может разглядеть никто иной... даже я сам.

Она кивнула. Видимо, Лэнгли нашел способ замечать в людях положительные качества. Однако после услышанного о некоторых поступках Джонатана она все же не могла понять, почему Лэнгли так к нему привязан.

- Ну что ж, ладно. Увидимся ли мы в следующий понедельник?

- Будем на это надеяться, - ответил Лэнгли.

Джонатан снова прикоснулся к краю цилиндра и пожелал им хорошего дня. Распрямив спину, повернул лошадь и ускакал прочь.

Лэнгли проводил его взглядом, после чего вздохнул и произнес негромко:

- Простите меня.

Повернувшись к нему, Серена, сдвинув брови, спросила, явно озадаченная:

- За что?

- Вам все это было неприятно и даже тягостно.

Серена приоткрыла рот и тотчас поспешила, как говорится, сомкнуть уста. Она не смогла бы сейчас произнести ни слова, которое не прозвучало бы до ужаса нелепо. Ей и в самом деле было неловко, но вовсе не из-за того, о чем мог подумать Лэнгли.

Он сосредоточил внимание на дороге.

- Я понимаю, что вы проклинаете его за то зло, которое он причинил вашей сестре.

Серена все еще была не в силах говорить.

- Но он мой друг. Он хороший человек, вопреки тому, что вы должны о нем думать после случившегося с Сереной. Все последние годы он вел постоянную борьбу с самим собой. Одно время я опасался, что он погибнет, но теперь у меня появилась надежда. - Лэнгли на несколько минут погрузился в задумчивое молчание. - В последнее время он вроде бы смягчился. И надо же, Воксхолл-Гарденз. Это нечто новенькое. Не из тех мест, какие посещают мужчины вроде Стрэтфорда.

Серена, сдвинув брови, посмотрела на него.

- Что вы этим хотите сказать? - спросила она.

Он покачал головой, потом слегка улыбнулся.

- Я чувствую, что он готов стать совершенно другим человеком.

- Понимаю.

- Я хотел бы остаться его другом, Мэг, и надеюсь, что вы найдете в себе силы простить его. Ведь прошло уже много времени с тех пор, как он состоял в связи с вашей сестрой.

- Я... я не уверена.

Он понимающе кивнул.

- Я постараюсь, - добавила она.

Лэнгли не мог знать, насколько трудновыполнимо его пожелание. Как она может простить Джонатана? А если бы могла, нет ли тут риска влюбиться в него снова?

Уголки его губ чуть приподнялись, мало напоминая даже намек на улыбку, и он сказал:

- Я думаю, вы уже сильно продвинулись в этом направлении. Согласились присоединиться к нему в день открытия Воксхолл-Гарденз.

- Да, это так, - согласилась она, и голос ее при этом смягчился. - Вы правы. Я надеюсь, что мы когда-нибудь станем друзьями.

Какая же это ложь...

Он повернул лошадей и, оставив полную экипажей и всадников аллею, направил их на более узкий проезд. Немного спустя они добрались по обсаженной с обеих сторон деревьями аллейке до берега Серпентайна. Людей тут было не много, неяркий солнечный свет поблескивал на воде, покрытой мелкой зыбью. Единственный гребец, усердно работая веслами, направлял узкую лодку к дальнему берегу.

- Как мирно здесь.

- По сравнению с толчеей на Роттен-роу? Это верно, - согласился Лэнгли.

Он направил лошадей к огромному клену с пышной раскидистой кроной и обратился к Серене:

- Я хотел бы просить, чтобы вы обращались ко мне просто по имени - Уилл, - проговорил он негромко. - Как вы это делали в письмах.

Серена взглянула на лошадей: Тезей нетерпеливо топтался на месте и фыркал; что касается Афродиты, то она повернула к нему голову, как бы предлагая успокоиться. И мерин тут же успокоился.

Медленно, очень медленно Серена повернула голову к Лэнгли.

- Простите меня. Все такое новое, такое непохожее. И я так давно не видела Лондон... не виделась с вами.

Его бедро, такое теплое, почти горячее, прижалось к ее бедру. Быстрым, почти лихорадочным движением он взял ее руку в свою.

- Пожалуйста, Мэг, называйте меня Уиллом.

И вдруг, совершенно неожиданно, его губы прижались к ее губам - такие мягкие, теплые и... приятные. Ахнув, она отшатнулась и припала спиной к кожаной обивке сиденья.

- Простите меня.

Он как-то неловко отпрянул, схватил в руки поводья и направил лошадей прочь из-под дерева.

Серена крепко зажмурилась, пытаясь при этом хоть как-то справиться с неистовым сердцебиением. Она только что все разрушила. Ее реакция была катастрофически неправильной.

Весь в напряжении, с каменным лицом, он довез ее до дома в полном молчании.

В тот знаменательный вечер на приеме Джонатан был настолько взвинчен еще одной встречей с сестрой своей возлюбленной, что не особенно к ней приглядывался. Вчера все было совсем по-другому. Он смотрел на нее во все глаза и в доме ее тетки, и в парке. Он изучал ее, можно сказать – впитывал. И пришел к заключению, будто что-то не так и есть некое и весьма значительное несоответствие, некая загадка.

Что-то явно тяготило ее. Нечто сравнимое с неким тугим, запутанным клубком, нечто пугающее и даже отвратительное, и она старалась скрывать это ото всех. Но что же это было? Быть может, за те годы, что они провели в разлуке, она разлюбила Лэнгли? Быть может, возникло, как говорится, нежное чувство к кому-то на Антигуа? А может, ее мамаша торопит, желая, чтобы она вступила в брак с Лэнгли немедленно?

То, как она смотрела на него, Джонатана, – в минуты, когда забывала о застенчивости и действительно взирала на него, – так вот в эти самые минуты в ее серых глазах появлялось выражение, которое он не в силах был понять. Ненавидела ли она его и жаждала отомстить за смерть сестры? Или была увлечена им, как и он ею?

Или – Боже сохрани! – было и то и другое?

Он тревожился за нее из-за того бремени, что так ее тяготило. Тревожился он и о грядущей свадьбе Лэнгли.

Более всего Джонатан тревожился о себе самом. Его реакция на нее была не только неприличной, но и противоестественной. Нелепо, неправильно питать эти сбивающие с толку чувства к сестре его возлюбленной, независимо от того сколь много общих черт с ней у нынешней Мэг.

Однако вопреки его беспокойству в нем пробудилось страстное желание. Неопровержимое и совершенно иррациональное стремление как можно больше узнать о Мэг, о том, что ее так изменило за прошедшие шесть лет, что руководит ею. Почему его так влечет к ней, тогда как раньше он испытывал к Мэг всего лишь спокойный, доброжелательный интерес и только потому, что она была очень похожей сестрой-близняшкой Серены?

Он увидится с ней в Воксхолл-Гарденз. Там попытается до конца разгадать тайну Мэг Донован.

Настало второе июня, вечер открытия Воксхолл-Гарденз. Джонатан еще днем повидался с Лэнгли, и они договорились, что, поскольку дом тетушки Джеральдины находится всего через два дома от дома Стрэтфорда, он сначала заедет за Мэг, а потом они приедут на Кэвендиш-сквер за Лэнгли и все вместе покатят в Воксхолл.

Джонатан весь остаток дня с нетерпением ожидал наступления вечера. Он останется с ней наедине, пусть даже ненадолго. У него будет возможность поговорить с ней и узнать правду о том, что ее так беспокоит.

Он не мог ждать.

Кучеру он велел выбрать насколько возможно более долгую дорогу до Кэвендиш-сквер. Мэг была не слишком хорошо знакома с лондонскими дорогами – скорее всего ей и в голову не придет, что он намеренно избрал самый долгий путь до дома Лэнгли.

Он поднялся по нескольким ступенькам к парадной двери дома леди Олкотт и громко постучал. Мрачный на вид дворецкий отпер дверь и пригласил Джонатана в приемную, где ему и велено было подождать.

Джонатан с досадой подумал, что это уже прогресс – ему дозволено войти в дом на расстояние в несколько шагов и полюбоваться гобеленами из восточного шелка на противоположной стене. Повернув голову на звук приближающихся шагов, он вздохнул с облегчением.

И вот она, Мэг, такая красивая в шелковом платье цвета слоновой кости. Вместе с ней ее сестра Феба, с которой он познакомился на приеме у Лэнгли. Феба решительно направилась прямо к нему и сделала неглубокий, быстрый реверанс.

- Добрый вечер, милорд! Я жду от него много удовольствия.

Он бросил взгляд на Мэг, и она ответила ему приветливой улыбкой. Он помнил такую улыбку. Серена однажды посмотрела на него снизу вверх, ее белокурые волосы разметались в беспорядке, в них запутались сухие травинки, а улыбка была точно такой же, как эта.

- Феба сегодня будет моей спутницей, – проговорила она негромко.

Разумеется. Если бы он мог себе это позволить, то дал бы себе хороший подзатыльник за то глупое предположение, которое сделал. Разумеется, что молодая девушка не может отправиться вечером развлекаться без сопровождения спутницы-дуэньи, даже если приглашена туда тем, кто вскоре станет ей мужем, и его другом. Это было бы в высшей степени неприлично.

Слишком много времени он провел вне уважаемой компании, решил Джонатан про себя.

- Ну конечно же. Очень рад видеть вас снова, мисс Феба.

Ее улыбка была заразной, и Джонатан вдруг решил с уверенностью, что даже если она и слышала что-то о позоре старшей сестры, то даже не подумает, что это имеет какое-то отношение к нему.

Однако Мэг об этом знала. Она все видела, и даже теперь осведомленность о том, что произошло много лет назад, таилась в ее серых глазах.

Улыбнувшись Фебе в ответ, он протянул согнутую в локте руку.

- Вы позволите?

- Конечно! – произнесла она и взяла его под руку.

Ему показалось или Мэг и в самом деле прищурилась, когда ее сестра прикоснулась к нему? Ему следует вести себя в высшей степени корректно по отношению к Фебе Donovan. У него нет ни малейшего намерения флиртовать с ней. Боже упаси, чтобы Мэг его в этом заподозрила. Он уже причинил страдания одной из ее сестер. И этого более чем достаточно.

Джонатан помог Фебе сесть в экипаж, после чего подал руку Мэг. Когда ее рука коснулась его

руки, он от волнения со свистом втянул воздух. Прикосновение было таким знакомым, что его окатили эротические ощущения, уже испытанные в прошлом. То был... настоящий удар по нервам.

Скрипнув зубами, Джонатан одернул брюки и уселся в карету на сиденье напротив того, которое занимали сестры. Он взглянул на них, когда экипаж тронулся с места и покатил по Сент-Джеймс-стрит. Феба была одета в платье из золотисто-желтого шелка, и этот цвет подчеркивал солнечное сияние ее юности. Платье Мэг, белое, совсем простое, произвело на него особое впечатление. Было нечто девственно-невинное в его белоснежности, в нитке жемчуга у нее на шее, и от этого внутри у Джонатана словно бы все сжалось.

Серена была девственницей, когда он впервые познал ее. Потом это произошло еще раз. Не более того.

Феба не могла спокойно усидеть на месте. Ей не терпелось как можно скорее выйти из экипажа и вволю погулять и развлечься в парке.

- Не огорчает ли вас отсутствие других ваших сестер? - спросил Джонатан, чтобы завязать разговор. Одна из сестер, насколько он помнил, была старше Фебы. Почему Мэг избрала для совместной поездки именно ее?

- О да, я жду не дождусь, когда Оливия и Джессика наконец приедут в Лондон, - доверительно сообщила Феба Джонатану. - Они планируют приехать сразу после того, как Мэг выйдет замуж за Лэнгли.

Он поднял брови и произнес:

- Вот как?

Феба кивнула и продолжила:

- Они ненавидят Антигуа, поймите. Мы все ненавидим.

- Это верно? - обратился Джонатан с вопросом к Мэг.

- «Ненависть» - это слишком сильно сказано, Феба, - заметила Мэг с ноткой жесткости в голосе. - Имеется немало причин для нашего желания вернуться в Англию.

Феба в ответ на замечание усмехнулась и заявила:

- Главное то, что мы все ненавидим Вест-Индию.

Мэг вздохнула и промолчала.

- Но я надеюсь, что они приедут еще до начала зимы. Видите ли, милорд, у Оливии очень слабое здоровье, - произнесла Феба таким тоном, словно сообщала большой секрет. - Мама очень редко позволяет ей выходить из дома.

- Мне очень грустно слышать это.

- В последнее время она немного окрепла, - сказала Мэг. - И я думаю, что климат Лондона будет для нее благоприятным.

- Вот как? - спросил Джонатан. - А в чем, собственно, заключается ее недомогание?

- Когда мы только переехали на Антигуа, ей было всего девять лет. Она и папа подцепили малярию. Оливия справилась с первым приступом, а папа нет.

Тут Мэг умолкла, но Феба продолжила с того, на чем та остановилась.

- Но эта ужасная болезнь наградила ее очень хрупким здоровьем. Она всегда очень бледная, легко теряет силы вплоть до обморока, ее часто лихорадит.

Мэг не смотрела на Джонатана, она сосредоточила внимание на улице, по которой они ехали. Сочувствие к ней охватило его, когда он заметил довольно глубокую морщину, появившуюся сейчас у нее между бровями.

- Но Оливия сильнее, чем кажется. Она победит болезнь, - проговорила она.

- Я уверен, что так оно и будет, - отозвался на ее слова Джонатан. - Тем более с вашей помощью и поддержкой.

Ее серые глаза сверкнули при взгляде на него. Господи, как ему хотелось прикоснуться к ней. Как она прекрасна. Он жаждал впитать в себя ее аромат, целовать пальцы, руки, пройтись губами по нежной, чувствительной коже от сгиба локтя до плеча, поцеловать шею. Хотел пощекотать языком впадинку за ушком, поцеловать подбородочек и, наконец, прильнуть к ее губам.

Эти полные губы, изогнутые в форме лука. Вот она провела кончиком языка по ним, и Джонатану захотелось попробовать их вкус. Однако он желал гораздо большего, чем поцелуй, жаждал, чтобы она открылась для него, мечтал овладеть ею со всей страстью.

Чтобы с нею у него было то же, что когда-то с Сереной.

Он бросил взгляд на Мэг. Она не Серена. Она не Серена. Он снова и снова повторял это в уме словно заклинание.

Черт побери, если он хоть что-то может понять. По тем чувствам, какие девушка в нем вызывала, она могла быть только Сереной и никем больше. Однако считать, что она выдает себя за Мэг, - полная бессмыслица. Серена не такой человек, чтобы пойти на нечто подобное. Она всегда была уверенной в себе, даже можно сказать, что весьма самоуверенной для того, чтобы в кого-то перевоплощаться - даже в Мэг. Особенно в Мэг...

- И Оливия может рассчитывать на мою помощь, - проговорила Феба звонким голоском, и это вывело Джонатана из навязчивой путаницы его собственных мыслей. Слава Богу.

А о чем это они, черт побери, говорили до этого? Ах да, о болезни их сестры.

Он улыбнулся Фебе и сказал:

- Само собой разумеется, и на вашу тоже, мисс Феба.

Господи, да что он тут делает? С Мэг Донован, которая сидит напротив него, взбудораживая мысли и доводя его тело чуть ли не до горячки от возбуждения? Не иначе, он бредил, если додумался до того, что из этого что-то может выйти. Она для него запретный плод. Она принадлежит не ему - она невеста Лэнгли. И пропади оно пропадом, она не Серена!

Он довел себя до безумия из-за того, что совершенно невозможно. Вопреки каким бы то ни

было мрачным тайнам, которые она любой ценой должна сохранить, совершенно ясно, что она собирается выйти замуж за Уильяма Лэнгли. А Лэнгли его друг.

А если она выйдет за Уильяма, что тогда? Он, Джонатан, вернется к той жизни, которую вел последние шесть лет. Кутежи, сомнительные «наслаждения» и неодолимая горечь от всего этого.

Она для него лишь мечта, иллюзия в белом шелке и жемчугах. Боже, как она прекрасна! От ее красоты так теснит в груди, что он едва может дышать.

И почему именно Серена должна была иметь сестру-близнеца? Что, если она была послана на эту землю и живет совсем близко, всего на расстоянии двух домов от его собственного дома, просто для того, чтобы мучить его. Напоминать о том, что он мог получить, не будь таким глупцом и слабаком.

- А почему это мы на Стрэнде? - вдруг спросила она.

Он выглянул в окно кареты. Время приближалось к десяти часам, и на улице было бы совсем темно, если бы не горящие повсюду фонари.

- Мы ведь едем к Лэнгли, - напомнил он.

Нахмутив брови, Серена покачала головой.

- Но ведь это не самая прямая дорога до Кэвендиш-сквер.

Он прикинулся удивленным:

- Неужели?

- Именно так.

Она посмотрела на него, и в потемневшем взоре он прочитал, что она поняла, в чем дело. Джонатан заерзал на сиденье, придумывая подходящее оправдание, и наконец пояснил, стараясь говорить как можно более ровным и спокойным голосом:

- Ведь вы не из Лондона. Откуда вам знать наиболее короткую дорогу от Сент-Джеймс-стрит до Кэвендиш-сквер?

- О, это очень просто, - вмешалась Феба. - Мэг много часов провела, изучая папину карту Лондона.

И тут Мэг метнула в Джонатана огненный взгляд, который прожег его насквозь.

У него свело желудок. Мало того что он так страдал из-за своего недостойного поведения целых шесть лет, вот теперь он здесь, в Лондоне, терзаемый фантастическими домыслами о будущей жене своего друга. Это за пределами искупления.

- В таком случае я попрошу вас растолковать все моему кучеру, мисс Донован.

- Я это сделаю, - ответила она весьма холодным тоном.

Джонатан выдержал ее взгляд, не желая быть первым из них двоих, кто спасует.

Спустя несколько минут карета остановилась. Джонатан выглянул в окно и увидел, что Лэнгли ждет их, стоя на тротуаре перед домом, свет, падающий из окна, четко очерчивал его высокую фигуру, затянутую в черный флотский мундир.

Нет, это еще не все. Джонатану по-прежнему требовалось выяснить, что представляет собой эта новая для него Мэг Донован. Он должен повидаться с ней наедине.

Глава 5

Все запуталось окончательно и бесповоротно. Серена просто не могла контролировать себя в присутствии Джонатана Дейна.

Когда она шесть лет назад была покинута им, то думала, что сойдет с ума от тоски. Она так сильно хотела его, что по ночам сидела в постели и, обхватив руками колени, раскачивалась всем телом, пытаясь заставить себя забыть обо всем.

Серена мечтала о том, что он вернется; она молилась об этом поздно ночью, когда все уже спали и не могли ее услышать. Она надеялась, что его пренебрежение скорее всего просто ужасная ошибка.

Однако он, разумеется, не приходил никогда. Он отрекся от нее в Лондоне, оставил с разбитым сердцем и неисполнимыми желаниями. Он обрек ее на жизнь без любви, в полном одиночестве.

А потом появился Уилл. Вот сейчас он опустился на сиденье напротив нее рядом с Джонатаном, сама любезность и добросердечность. Однако она обидела его на прошлой неделе в парке своей скверной реакцией на его поцелуй, и с того вечера отношения между ними не более чем холодная вежливость.

Сначала она сказала себе, что Мэг отреагировала бы на этот поцелуй точно так же, потому что была очень скромной и невинной. Однако это было неверно. Сестра любила Уилла. Она всегда вела себя достойно и сдержанно, но от такого поцелуя растаяла бы. А она, Серена, шарахнулась прочь, словно от укуса ядовитой змеи.

Последние несколько дней она провела в раздумьях о том, как поладить с ним, но так ничего и не придумала. Даже теперь, когда он вел вполне любезный разговор в тесных пределах небольшой кареты, Серена заметила в его темных глазах выражение обиды, вызванное ее отказом в поцелуе.

Серена была в ужасе. Ситуация складывалась весьма неприятная. Если бы она знала, что Джонатан и Уилл – близкие друзья, то осознала бы неосуществимость задуманной интриги и отвергла шараду до начала ее розыгрыша. А теперь она в ловушке.

Ничего хорошего из этого не выйдет, и все ее надежды устроить жизнь Оливии, Джессики и Фебы нереальны.

В карете все, кроме нее, обменивались восторженными впечатлениями о погоде и радовались предстоящим развлечениям, в то время как у Серены в голове все путалось до невозможности. Однако она не забывала о том, что должна улыбаться Уиллу и не смотреть на Джонатана.

Последний явно удивился, когда к ним присоединилась Феба. И нет сомнения в том, что он велел кучеру ехать к дому Уилла кружным путем. Можно ли считать, что он решил контролировать ее поведение?

Господи, пожалуйста, не дай ему раскрыть правду.

Серена глубоко вздохнула и постаралась сосредоточить внимание на общем разговоре.

Конец ознакомительного фрагмента. Полный текст доступен на www.litres.ru

[Купить полную версию книги](#)

mir-knigi.org